

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«РУССКОЙ МЫСЛИ»

Обозрение

СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
И КИТАЙ

№ 3

ФЕВРАЛЬ 1983

Обозрение

Присылаемые рукописи могут быть написаны на любом из основных европейских языков. Объем статей не должен превышать 8-10 машинописных страниц, напечатанных с двойным интервалом. К рукописи должны прилагаться краткие биографические сведения об авторе. Материалы из Советского Союза могут быть помечены псевдонимом. Рукописи следует направлять по адресу Редактора. Подписка на «Обозрение» производится Издателем. Непринятые рукописи редакция не возвращает и в дискуссию по этому поводу не вступает.

Tout texte sera accepté s'il est rédigé dans une des principales langues européennes. Le volume des textes envoyés ne doit pas dépasser 8-10 pages dactylographiées de 1500 signes (25 lignes de 60 signes). Prière de joindre au texte une courte notice biographique.

Manuscripts may be written in any one of the European languages. The length of the manuscript should not exceed 8-10 doublespaced typewritten pages. Authors are requested to send a short biographical sketch along with their article. All materials should be sent to the editor. Declined manuscripts will not be returned

Адрес Редактора:
L'adresse du rédacteur:
Address of the editor:

A. Nekrich 1737 Cambridge St.
Cambridge MA, 02138, USA
Tel.: USA 617-495-4160

Адрес Издателя:
L'adresse de l'éditeur:
Address of the publisher:

«La Pensée Russe»
217, rue du Faubourg St. Honoré
75008 Paris
Tél.: 563-94-47 ou 563-21-83

Как навести «порядок»

Новый руководитель партии Ю. Андропов старается навести в стране порядок. Порядок, порядочек, как говорили в незабвенные времена. Даже в специфических условиях советской системы, особенностью которой, при всей ее свирепости, является расхлябанность, «шалтай-балтай», падение способности к функционированию достигло такого угрожающего предела, что только экстравардинарными мерами можно притормозить скольжение под уклон. Простое перечисление уже принятых мер дает наглядное представление о состоянии страны.

Ужесточение законов

Укрепление дисциплины фигурирует под номером первым в программе практических действий генерального секретаря партии. В законодательство уже внесены изменения, позволяющие усилить контроль руководителей предприятий над массой и ответственность местных руководителей перед вышестоящими органами. Среди мер, применяемых к рядовым нарушителям дисциплины, — ухудшение их материального положения — и, следовательно, их семей — путем понижения заработной платы, лишения премий, перестановки в конец очереди на получение жилья, запрещения использовать отпуск в летнее время. Отныне разрешение на увольнение по собственному желанию или на изменение места работы дирекция предприятия выдает только после обсуждения заявления об уходе на общем рабочем собрании. Эти меры не могут не напомнить об антирабочем законодательстве 1940 года с его шкалой наказаний вплоть до тюремного заключения за прогулки и опоздания на работу. Согласно некоторым данным, по понедельникам не выходит на работу до 16 процентов от всего работающего населения, то ли опохмеляются, то ли отсыпаются после выходного дня. С новыми мерами тесно связаны и поправки к правилам о применении условного наказания (введены в действие с 1 января с. г.): чтобы оставаться на свободе, условно осужденные не только должны не совершить нового преступления, но и должны «оправдать доверие примерным и честным трудом». В частности, условное наказание может быть заменено реальным, если осужденный оставил трудовой коллектив, которому он передан для исправления».

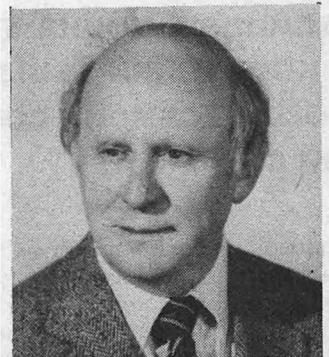
Борьба с коррупцией тесно связана с укреплением общегосударственной дисциплины. Само слово «коррупция» в советском официальном языке не употребляется, так как общеизвестно, что коррупция — явление, присущее лишь миру нахивы, капитализма. Вот, например, как расшифровывается термин «коррупция» в Большой Советской Энциклопедии: «К. известна всем видах эксплуататорских гос-в, но особенно широкое распространение ее присуще империалистич. гос-в... К. как состав преступления предусмотре-

на в уголовных кодексах многих бурж. стран, однако, как правило, эти преступления остаются без наказания» (БСЭ, Третье издание, М., 1973, т. 13, с. 216).

В советском же лексиконе слово «коррупция» успешно заменено более привычными понятиями, как «взяточничество», «хищение», «разбазаривание». Гигантские масштабы, которые приняли злоупотребления во всех сферах советской жизни, вынудили недавно Президиум Верховного Совета СССР потребовать от прокуратуры усиления надзора «по выявлению и пресечению хищений социалистической собственности, борьбе с должностными преступлениями, взяточничеством, расточительством, бесхозяйственностью» и опубликовать в печати свое решение, как бы показывая, что высшая власть более не дремлет. Наказания за эти преступления стали более суровыми. Однако дело обстоит намного сложнее. Коррупция в условиях советской системы является ее интегральной частью. В нее вовлечено, грубо говоря, в той или иной форме все общество. Высокопоставленный чиновник вымогает взятку у представителя иностранной фирмы при заключении контракта; слесарь дома управления не пойдет чинить унитаз, если ему не будет обещано «на поплита»; в сфере официально бесплатного медицинского обслуживания установлены расценки на все виды услуг, начиная от сложнейшей операции и кончая современным обходом больных медицинской сестрой или няней; родители школьников регулярно «скидываются» на ценный подарок учительнице; отправленный в заграничную командировку прекрасно знает, что следует ему привезти в подарок начальству и т. д. и т. п. Наиболее разительные примеры коррупции подают высшие руководители с их содержимыми за счет государства дачами с обслужкой, бесплатными комфорктабельными санаториями, закрытыми магазинами, привилегированными школами, где обучаются их дети, и неофициальными преимуществами, которыми их отпрыски пользуются при поступлении в высшие учебные заведения и при получении работы.

Поэтому подлинная война против коррупции была бы угрозой самой советской системе, а на это вряд ли решится даже самый отважный руководитель, если бы он вдруг появился. Борьба ведется и будет вестись не против коррупции как образа жизни, а против конкретных лиц, из тех, кто берет «не по чину», т. е. выходит за рамки стихийно установившихся и молчаливо признанных норм, нарушая тем самым эквилибrium системы и создавая угрозу для всех. Но предложим на мгновение, что новому генеральному секретарю удалось бы побороть коррупцию (между прочим, даже Сталин потерпел здесь неудачу, вслед за ним Хрущев, а при Брежневе коррупция расцвела пышным цветом), что случилось бы? Ответ может показаться парадоксальным, но тем не менее он, должно быть, довольно близок к истине — советская система начала бы давать серьезные сбои во всех сферах.

Борьба с преступностью усиливается,

Александр Некрич

Редактор «Обозрения»

поскольку и преступность значительно выросла за последние годы: стоит лишь вдуматься в передовую газету «Правда» от 30 января с.г., в которой говорится, что ежедневно сотни тысяч дружинников патрулируют улицы городов и сел для охраны покоя граждан. Горьковчане, например, жалуются в одном из писем, что «нередко опасно по вечерамозвращаться с работы. Случаются нападения на граждан и даже на дружинников. Многие хулиганы и дебоширы остаются безнаказанными». Местная милиция и прокуратура бездействуют. И так происходит по всей стране. Теперь принимаются меры, чтобы активизировать борьбу с правонарушениями. Но почему органы по борьбе с преступностью должны функционировать лучше, чем другие государственные учреждения?.. Успехи власти заметны лишь на одном поприще общественной жизни — борьбе с инакомыслием. Эта проблема продолжает тревожить руководителей. В отношении более или менее известных лиц программа определенная — ссылка, тюрьма, запугивание. Недавнее предупреждение о прекращении «антисоветской деятельности», сделанное прокуратурой Рюю Медведеву, олицетворявшему на протяжении двух десятилетий «loyalную оппозицию» и считавшемуся неуязвимым, поскольку его поддерживают иностранные компании и общественное мнение Запада, настойчивый нахим КГБ на писателя Владимира, чтобы заставить его отправиться в эмиграцию, продолжающиеся преследования диссидентов и мучеников веры — достаточно красноречивые тому свидетельства.

Возвращение... мифа

2 января с. г. «Правда» повергла в недоумение многих своих читателей, заняв почти целую газетную полосу рассказом Юлиана Семенова «Возвращение». Автор известен своими книгами о сотрудниках уголовного розыска и разведчиках. По его сценарию был поставлен многосерийный телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны», завоевавший широкую популярность. Герой фильма — советский разведчик Максим Исаев, проникающий под личиной немецкого разведчика Штирлица в самое сердце службы безопасности гитлеровского рейха. В рассказе Семенова Исаев-Штирлиц мысленно возвращается к своему славному чекистскому прошлому — к китайским делам, к войне в Испании и пр. Он вспоминает своих товарищей, соратников по работе — имена многих из них хорошо известны читателям «Правды»: Ан-

Подлинная война против коррупции была бы угрозой самой советской системе.

тонов-Овсеенко, Блюхер, Малиновский, Постышев, Крыленко, Михаил Кольцов, а вместе с ними Дзержинский и Менжинский — руководители ЧК-ОГПУ. Семенов, разумеется, не упоминает о том, что из 17 перечисленных им 11 были казнены как «враги народа». Здесь все как бы уравнены по отношению ко времени Славного Прошлого. Среди тех, кого автор называет, половину составляет чекистская элита. Наиболее прозорливым оказывается руководитель ОГПУ Менжинский, предививший еще в 1927 году приход Гитлера и его партии к власти. И невысказанная мысль автора: «Ах, если бы только прислушивались к советам мудрых чекистов!». Но у газеты есть еще другая цель — ободрить разочарованных и сомневающихся. Этой цели подчинены псевдораздумья о Гитлере и попутное осуждение национализма, звучащее, должно быть, дивной музыкой для ушей столичного интеллигента-либерала. Автор осмелился устами своего героя даже высказать сожаление по поводу немцев, которые дали себя одуречить пропагандой, будто в недостатке маргарина виноваты евреи и цыгане. Уж до чего смело сказано — евреи не виновны в нехватке маргарина! — на странице

центрального органа КПСС; Исаев-Штирлиц договаривается даже до такой «ереси», что «политика надо проверять еще и на то, какова в нем мера врожденной доброты, ибо хороший человек сначала думает о других, лишь потом о себе». Читателю остается лишь сравнить и сделать вывод, какой же из руководителей добер, да еще к тому же и проницательен, скажем, как Менжинский...

Столичные интеллигенты в Союзе и Зарубежье, умудренные опытом чтения между строк, прочитав рассказ Семенова, впали ненадолго в состояние эйфории, поскольку усмотрели в «Возвращении» некое обещание. В конце концов и они как будто догадались, что при политическом банкротстве партийных иерархов и хозяйственных руководителей на пьедестал остается возводить только чекистов, и, возможно, военных.

Укрепление позиций

Первые три месяца пребывания Ю. В. Андропова на посту генерального секретаря ЦК КПСС показали, что он ведет себя очень осторожно: не спешит, но последовательно укрепляет звенья партийного и государственного аппарата людьми, вероятно, более деловыми и, разумеется, преданными ему лично. Уже уволены в отставку несколько министров. Тем же, кто недоволен жесткой кадровой политикой нового главы партии, высказано

предостережение в передовой статье декабрьского номера журнала «Коммунист», напомнившей резолюции партийных съездов о единстве и борьбе против фракционности. В то же время ясно продемонстрировано намерение или угроза генерального секретаря использовать Программу и Устав КПСС (разумеется, если понадобится, то и в обход их) «для избавления собственных рядов от случайных и разложившихся элементов», от «неспособных, зараженных ведомственным и местническим духом». Под такой монастырь можно подвести и любого несогласного... «Правда» в годовщину смерти Ленина многозначительно напомнила о решении XII съезда партии увеличить число членов ЦК за счет кадровых рабочих. Стало уже обычаем, что к заклинаниям и вызову «духа Ленина» партийное руководство прибегает каждый раз, когда дела идут из рук вон плохо. Растет не только недовольство народа, вызванное продовольственными затруднениями, общим упадком и бесперспективностью, но, что еще опасно, широко разливается чувство безразличия.

События в Польше не прошли бесследно для руководства партии. Во многих статьях, опубликованных в последнее время партийной печатью, звучит тревога, что положение партии как политического вождя требует каждый раз подтверждения и «раз завоеванное положение не сохраняется автоматически». Ясно, однако, что арсенал «мирных» средств по сохранению «раз завоеванного положения» и наведению «порядка» в стране не ограничен. ■

Почти что юмор

Корреспондент американской коммунистической газеты «Дейли Уорлд» Давиду, отвечая на вопросы сотрудника «Литературной газеты», рассказал о своих московских впечатлениях. Вот некоторые из них:

— Естественно, я не мог не обратить внимания на то, что в ваших магазинах трудности с мясными продуктами. Корреспонденты американских буржуазных газет любят это преподносить читателям: мол, кризис советского сельского хозяйства! Уж очень им хочется употребить это слово «кризис». Но и они отлично понимают, что это временные трудности; а не кризис. Я убежден, что разработанная КПСС Продовольственная программа приведет к их преодолению.

Скажу еще кое-что. Москва всегда славилась чистотой. Сейчас, как я заметил, не очень аккуратно вывозятся контейнеры с мусором, даже в центре города некоторые улицы и дворы не блещут порядком. За последние годы заметно увеличилось число автомашин. А вот к пешеходам внимания стало меньше...

...Но снова повторяю: убежден, что трудности эти временные и вполне преодолимые. Советские люди умеют преодолевать трудности, потому что они верят в свое будущее. Я еще не встречал в Москве человека, который говорил бы мне, что завтра будет хуже. Это неотъемлемая черта москвичей, как и всех советских людей, — надеяться и верить в

будущее. И хотя некоторые из вас порой сетуют на государство: того нет, то еще не сделано, но по сути своей: вы люди одного коллектива, который называется советским обществом. В Москве на каждом шагу ощущаешь гуманистический принцип, по которому построено ваше общество: никто никого не эксплуатирует, никто не подвергается эксплуатации со стороны другого человека... На лицах нью-йоркцев вечная, непрекращающаяся напряженность, какая-то всегдашаяся опаска, нервозность — кажется, эти лица каждое мгновение ожидают крушения мира, в котором они существуют. Лица москвичей тоже озабочены: в них тоже напряженность, но это напряженность динамики...

(*Литературная газета*, 5 января 1983 г.)

Корреспондент «Литературной газеты» Ю.Изюмов несколько месяцев тому назад побывал в США. Возвращившись в Москву, он опубликовал свои впечатления, занявшие добрую газетную полосу. Ниже приводим наиболее характерные наблюдения Ю.Изюмова, которыми он поделился с читателями «Литературной газеты».

Оказывается:

«Все прекрасно знают, что любое антиправительственное выступление, участие в митинге или демонстрации, слишком вольное высказывание, непозволительное зна-

комство, письма, полученные из «коммунистической страны», даже чтение «не той» газеты, может очень быстро привести к увольнению. Без всяких объяснений. И у тебя нет никаких шансов что-либо доказать, чего-либо добиться. А главное — нет надежды найти работу в будущем...

...Известная статуя Свободы весьма точно символизирует положение со свободой в США. Статуя всем видна, все ее хорошо знают. Но возвышается она не там, где живут люди; а вдали от них, на маленьком островке посреди океанских вод. Вроде бы и близко, попробуй дотянись!

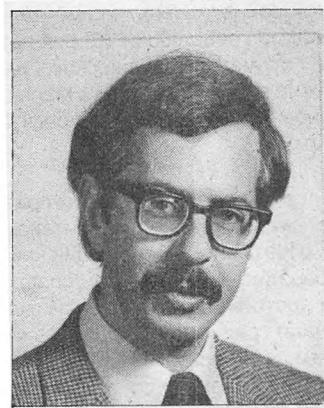
Железный занавес, который всегда отделял широкие массы в США от прогрессивных идей, стал бронированным. Никаких отступлений от идеологического изоляционизма не было и нет. Это звучит неправдоподобно, но я не встречал человека, прочитавшего хотя бы одну книгу советского автора. Гастроли советских артистов вот уже несколько лет запрещены. (...) В провинциальном Кливленде народный артист СССР Евгений Беляев дал концерт для соотечественников.

...Я пишу эти строки с болью в сердце за американцев...

(«Литературная газета», 29 декабря 1982 г.)

Стивен И. Левин

Стивен И. Левин — профессор по международным отношениям Американского университета (Вашингтон, США). Специалист по проблемам Восточной Азии и международного коммунизма. Статьи С. Левина по внешней политике Китая, китайско-американским и китайско-советским отношениям напечатаны во многих журналах и сборниках статей в США и за их пределами.

К новому равновесию?

Некоторые исторические перспективы китайско-советских отношений

Современные исследователи китайско-советских отношений изучают слова и поступки Москвы и Пекина с тем же щадением, с каким предсказатели в Древнем Китае изучали очертания трещин на панцире черепахи, чтобы отыскать в них ключ к будущему. Наш подход — столь же традиционный, хотя и менее экзотический — основан на убежденности древних в том, что изучение прошлого может оказаться полезным для предсказания будущего. Что говорит нам история русско-китайских отношений о перспективах китайско-советских отношений в 80-е годы?

Некоторые исследователи читали историю китайско-советских отношений как мрачный и страшный список взаимной враждебности, естественным результатом которой был китайско-советский конфликт. Такое одностороннее прочтение истории вряд ли может помочь нам разобраться в развитии отношений между Советским Союзом и Китаем. На самом деле, периоды сердечности и сотрудничества чередовались с периодами враждебности и конфликтов, а равно с периодами взаимного равнодушия. В общем, это означает, что китайско-советская холодная война последних двадцати с лишком лет не является ни историческим исключением, ни исторической нормой в отношениях между двумя народами. Не стоит удивляться, если нынешнее ослабление напряжения в китайско-советских отношениях, отмечающее современными исследователями, выльется в менее антагонистические и в некотором роде совершенно своеобразные отношения между Москвой и Пекином.

Из длительной истории русско-китайских отношений в царские времена и в современную эпоху мы можем выделить две темы —

тему официальности и тему отсутствия взаимности — и рассмотреть проблемы безопасности и экономического развития.

Особенности отношений между русскими и китайцами

С самой ранней стадии отношения между русским и китайским народами отличались высокой степенью официального контроля и практическим отсутствием неформальных частных контактов, которые одновременно и оживляли и осложняли отношения между китайцами и другими западными народами. Среди причин этого явления следует, в первую очередь, назвать значительную роль государства по отношению к обществу и в России и в Китае. Миссионеры и торговцы, искали приключений, мошенники и авантюристы, школяры и сибариты, придающие совершенно особый колорит драме китайско-европейских или китайско-американских отношений, отсутствуют в истории китайско-советских отношений, а если и появляются, то, в основном, в официальном одеянии. В отличие от западных правительств, китайская политика которых формировалась отчасти в ответ на давление частных интересов, русские интересы в Китае с начала 17-го века инспирировались и контролировались государством. И это в общем устраивало китайцев, предпочитавших направлять торговые и прочие связи по официально установленным каналам, видя в этом средство контроля и рассеивания иностранной угрозы. Государ-

ственная монополия на внешние сношения действовала довольно четко в течение длительного периода — с подписания Кяхтинского трактата (1727 г.) до 50-х гг. XIX века. Однако стоило возникнуть какому-либо конфликту, как он немедленно выливался в спор между правительствами, поскольку не было буфера частных интересов, который мог бы амортизировать удар.

В сугубо официальном характере китайско-русских отношений в императорские времена отразился и запечатлелся низкий уровень взаимного интереса между russkimi и китайцами. Русская элита, за немногими исключениями, была ориентирована почти исключительно на Европу, не на Азию. Ни один из последователей Петра Великого не перенял его страсти к познанию Востока в той же мере, что и Запада. Интерес Л. Н. Толстого к китайскому мистицизму выделяет его среди других великих русских писателей того времени. Лишь немногие русские побывали в Китае в дореволюционный период, и, за исключением чая, китайские товары не были популярны в России. Представление о Китае имели лишь немногие знатоки-специалисты. Нет нужды говорить, что китайская элита во времена маньчжурской династии (1644-1911) была еще меньше заинтересована в России, кроме нескольких чиновников, занимавшихся вопросами защиты северных границ.

С быстрым развитием западного империализма в конце XIX века и первыми волнами китайской революции эта картина изоляции и взаимного игнорирования начала меняться. Развиваясь на восток в духе Божьего Промысла, русская империя добилась от одряхлевшей маньчжурской династии целого ряда территориальных уступок посредством того, что китайцы спустя много лет осудили как неравноправные договоры. Слаборазвитая и отсталая по европейским стандартам, Россия присоединилась к играм европейских империй на Дальнем Востоке, чтобы продемонстрировать свою доблесть. Министр финансов граф Витте внушил молодому Николаю II мечту об экономической империи на Дальнем Востоке и провел Китайскую железную дорогу через китайскую территорию до Владивостока. Харбин стал столицей фактической русской колонии в Маньчжурии. Но потопление русского балтийского флота в Цусимской битве японскими морскими силами во время русско-

японской войны превратило мечту об империи в кошмар революции. (Сорок лет спустя Сталин отомстил за царское унижение, уничтожив японскую армию в Маньчжурии и восстановив русскую военно-морскую базу в Порт-Артуре.)

Уязвленные слабостью своих правителей из маньчжурской династии, китайские патриоты обратились к революции как к средству возродить свой народ и спасти собственное достоинство. Богатая русская революционная традиция пригодилась молодым китайцам, искавшим способа опрокинуть слабый деспотизм, а победа большевиков укрепила их надежду на то, что власть может быть захвачена небольшим, но хорошо организованным меньшинством.

Тем не менее, пересечение русской и китайской революций в 20-е годы не внесло сколько-нибудь значительных изменений в давно установившийся характер отношений, в которых преобладали официальные связи и официальный контроль. Советские граждане, работавшие в Китае в 20-е годы советниками, делали это в официальном порядке и вынуждены были подчиняться жесткой дисциплине, которая строго ограничивала их взаимодействие с простыми китайцами. Лишь немногие сумели преодолеть пропасть между русской и китайской культурами, хотя китайские левые, как и их западные коллеги, проявляли интерес к советскому эксперименту. Большинство космополитически настроенных китайцев, многие из которых получили образование за границей или в христианских школах в Китае, выступали за возрождение Китая по западному образцу. Многие из китайских студентов, учившихся в Советском Союзе, были поглощены коммунистической партией Китая, которая в конце 20-х и в 30-е годы, после своего ухода в сельские районы, повернула в сторону национализма. Они пользовались все меньшим влиянием внутри партийных советов. Даже к началу Второй мировой войны связи между китайским и советским народами были сравнительно мало развиты. На официальном уровне отношения могли быть лучше или хуже, но за этим был практический вакuum, отражавший по-прежнему низкий уровень взаимного знания или интереса.

Советский Союз сыграл количественно небольшую, но важную роль в китайской гражданской войне конца 40-х годов — роль, которую китайские коммунисты с начала китайско-советского конфликта признавать перестали. Хотя до этого отношения не всегда складывались гладко, большинство руководителей КПК в 1950 году стали сторонниками СССР, надеясь достичь чего-нибудь наподобие уже бывшего социализма, к которому пришел Советский Союз. Советы, со своей стороны, верили, что впервые за свою историю заполучили союзника, который уважает их за экономические и культурные достижения, а не за одну только силу. Таким образом, китайско-советский альянс закладывался на надежном фундаменте, и, казалось, этот альянс на многие годы определит направление мировой политики.

Несбывшиеся ожидания

Однако новые китайско-советские отношения строились на взаимных ожиданиях, которые оказались невыполнимыми. Общая идеология марксизма-ленинизма давала основания предполагать совпадение, если не идентичность, интересов Китая и СССР. Эти интересы поддерживали то, что должно было стать постоянным партнерством, сосредоточенным скорее на неких абстрактных интересах, чем на временном альянсе, в основе которого лежали бы параллельные стратегические заботы, экономические удобства и т. п. Эта фиктивная идентичность интересов, омываемая волнами риторических словес о вечной дружбе между советским старшим братом и китайским младшим братом, затрудняла деловое общение и осложняла даже открытое признание разногласий и проблем, которые неизбежно возникают в любом союзе, особенно между такими неравными партнерами. Кроме того, руководители обеих сторон были больше приучены к конфронтационной политике, нежели к политике компромиссов и взаимных уступок. И Мао и Хрущев взяли на вооружение ленинскую манеру разрешения конфликта, с его тягой к углублению спора, обливанию друг друга помоями и уверенностью в том, что противник, по сути своей, слаб и нестабилен, как бы грозен ни был его внешний вид. Не мудрено, что «вечная дружба» Советского Союза и Китая рухнула под тяжестью такого груза. Как только сняли официальные подмостки, от здания китайско-советской дружбы ничего не осталось, кроме горьких воспоминаний с обеих сторон. В их отношениях не было силы, которая могла бы развиться только на основе множественных институциональных и личных связей — явление, чуждое и Советской России, и маоистскому Китаю.

Апокалиптические предсказания насчет взаимного уничтожения китайцев и русских не подтвердились.

Наша вторая тема — отсутствие взаимности — затрагивается в последующем изложении. Я имею здесь в виду нечто более существенное, чем очевидное неравенство в силе между Россией и Китаем, имевшее место на протяжении последних полтораста лет. Скорее я имею в виду тот факт, что в этот период поток влияния между Россией и Китаем шел почти исключительно в направлении с запада на восток. Несомненно, многие китайские лидеры считали такое положение глубоко неудовлетворительным. Большинство из тысяч советских советников, работавших в Китае с 1920-го по 50-ые годы,

видимо, очень мало интересовались собственно Китаем и китайской культурой, скорее они рассматривали Китай как глухую провинцию, которая нуждается в их услугах на случай, если ей придется когда-нибудь выйти в современный мир. На рабочем уровне советские советники могли переводить идеологию пролетарского интернационализма в нечто вроде социалистического noblesse oblige; гордые и чувствительные китайцы разгадали это и обиделись. Время от времени они продолжали утверждать ценность своих собственных богатых традиций по сравнению с иностранными. Китай мало что мог предложить Советам взамен, разве что почтение к московскому руководству и благодарность за его щедрость, но ни то, ни другое Пекин не собирался выражать слишком долго.

Обращаясь к проблемам безопасности и экономического развития, видишь явную двусмысленность исторического наследия в этих вопросах. С китайской точки зрения, в XIX — начале XX века ему не приходилось выбирать между Россией и другими империалистическими державами. Все они требовали от слабого Китая территориальных и других уступок, подкрепляя свои требования силой. В 20-е годы большевики продолжали русскую имперскую политику по отношению к Внешней Монголии и Маньчжурии, с использованием военной силы, чтобы создать протекторат из первой и обеспечить свои экономические и прочие интересы на второй территории. Такое обращение с периферией Китая было традиционным по форме и подкреплялось традиционными дипломатическими и военными средствами. Значительно более существенным был второй тип обращения. Революционное сотрудничество, начатое Советами с китайскими националистами и китайскими коммунистами в 20-е годы и позднее, грозило предоставить Москве беспрецедентный допуск к жизненно важным учреждениям и процессам в Китае и дать Москве возможность влиять на них или даже их контролировать.

Многие коммунистические и национальные китайские руководители испытывали ужас перед такой перспективой. Советские попытки после 1949 года развивать особые отношения с отдельными китайскими руководителями, чтобы влиять на все направления китайской коммунистической политики, подкрепили этот страх.

В то же время не следует упускать из виду, что Советский Союз в конце 30-х годов оказывал Китаю военную поддержку против Японии и внес большой вклад в модернизацию китайских вооруженных сил в 50-е годы в контексте китайско-советского договора о дружбе и взаимопомощи, который представлял собой советский щит по отношению к врагам Китая. Однако на различных фазах советской помощи в обеспечении безопасности многие китайские руководители были разочарованы ее уровнем и характером, а также степенью вмешательства СССР в китайскую внешнюю политику. Советским руководителям, в свою очередь, не удалось получить от этого политических выгод в том

объеме, на какой они рассчитывали. Ожидания обеих сторон не оправдались.

Конечно, 50-е годы были десятилетием, когда китайская экономика развивалась в соответствии с советской моделью и Москва оказывала Пекину значительную помощь в форме кредитов, поставок техники, оборудования и т. д. Но и здесь результаты оказались далеки от ожидаемых. Хотя китайская экономика в это десятилетие развивалась очень быстрыми темпами, Мао Цзэдун и другие руководители переживали все больше и больше из-за реальных или воображаемых ограничений, накладываемых иностранной экономической моделью, и верили, что, ведя политику, основанную на собственных силах, смогли бы совершить более быстрый прорыв к коммунизму. Советы, сотрудничая со своими китайскими партнерами, также столкнулись с многочисленными разочарованиями и трудностями. Ни одна из другой стороны не были достаточно хорошо подготовлены к эксперименту экономической кооптации, и они рассчитались с чувством взаимного ожесточения. (Однако китайцы продолжали следовать основной сталинской экономической модели.)

Будущее СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Как связаны эти проблемы и темы с настоящим и будущим китайско-советских отношений? Принимая во внимание природу обоих обществ и их режимов, совершенно очевидно, что официальный характер отношений не изменится. Какую бы форму ни приняли китайско-советские отношения в будущем, они останутся в рамках строгого контроля со стороны государства, с минимальным количеством межчеловеческих контактов, какие постоянно развиваются, например, в расщелинах китайско-американских отношений. Несмотря на продолжающееся взаимное игнорирование и искаженное представление друг о друге, которое, несомненно, сложилось и у китайской и у советской общественности, есть основания верить, что на уровне элиты советские и китайские государственные мужи располагают более надежной информацией и несколько более ре-

алистически смотрят друг на друга, чем в бывшие времена. Идеологическая полемика кончилась, и прагматические руководители в Москве и Пекине могут, при желании, искать компромиссы по таким волнующим вопросам, как территориальные разногласия, почтне опасаясь того, что им придется оплатить собственную гибкость значительными внутриполитическими уступками.

Проблема взаимности перестала быть серьезной. Хотя Китай по-прежнему нуждается в поддержке, китайцы давно избавились от психологии зависимости сопутствующими ей обидами, порождения эры политической раздробленности и слабости. Китай стал великой державой и больше не находится в тени своих соседей. Он умеет лучше, чем в прошлом, поддерживать равноправные отношения с другими великими державами. Советские же руководители, поняв, что не так-то легко манипулировать китайцами или подчинить их себе, вроде бы смирились с тем, что их отношения с КПК никогда не будут столь интимными (или столь опасными для китайцев), как в 1950 году. Младший брат с тех пор подрос.

Что касается проблемы безопасности, то, несмотря на глубокое недовольство внешней политикой друг друга и милитаризацию на протяжении своих границ, Москва и Пекин видят друг в друге скорее долгосрочную, нежели немедленную угрозу своей безопасности. Это восприятие оставляет некоторый простор для компромиссов и маневров и ведет скорее к борьбе за влияние в таких областях, как Юго-Восточная Азия, чем к прямому конфликту.

В области экономического развития китайцам еще далеко до достижения поставленной ими цели — модернизации. На своей экономике, построенной в принципе по сталинистской модели, они сделали множество экзотических прививок капиталистического образца, и некоторые из них могут и не прижиться. Имеются определенные возможности для расширения китайско-советской торговли, но совершенно неподходящие, чтобы Пекин вновь обратился к Москве за финансовой помощью или техническим содействием, даже если политическая атмосфера китайско-советских отношений улучшится. Западные и японские источники помощи будут оставаться более привлекательными.

Итак, исторические факторы, которые

способствовали созданию китайско-советского альянса и ускорили раскол между двумя странами, видимо, становятся все менее релевантными для будущего их отношений. Думаю же о возможности улучшения китайско-советских отношений, можно предположить, что в определенной степени это уже произошло, а мы этого и не заметили. Апокалиптические предсказания насчет взаимного уничтожения китайцев и русских, раздававшиеся с перерывами на протяжении последних двадцати лет, не подтвердились. Советские люди и китайцы научились жить бок о бок, поддерживая не дружеское, но в высшей степени мирное сосуществование. Это произошло без каких бы то ни было специальных визитов, совместных коммюнике или других видимых эпохальных событий, которые привлекают внимание общественности. Скорее это было нечто вроде медленной аккомодации, которая, впрочем, ни в коей мере не является необратимой, если учсть конфликтные моменты между Москвой и Пекином по множеству глобальных политических вопросов. Хотя Советы и китайцы давно уже перестали посыпать друг другу приглашения на обед, они все же снова обмениваются мнениями в прихожей и переговариваются через забор.

В исторической перспективе русские и китайцы столетиями стояли перед необходимостью как-то приспособливаться к существованию могущественного и чуждого в культурном отношении соседнего государства. Это оказалось очень трудным делом. В последние годы оба народа, видимо, оставили попытки навязать друг другу собственные взгляды на общество и политическую систему. Их взаимоотношения медленно развиваются от враждебности к недоверчивой взаимной терпимости. Это может разочаровать кое-кого на той и другой стороне, кто помнит невыполненные обещания времен былой интимности или еще цепляется за свои параноидальные стереотипы врага. Но в нестабильном мире, где искра может разжечь ядерную конфронтацию, частичное ослабление напряжения между СССР и Китаем (если только это и в самом деле то, что мы наблюдаем!) может быть, по крайней мере, скромным шагом на пути к международной системе, воплощающей совместный подход к глобальным проблемам, а не просто конкуренцию, ведущую, возможно, к разрушению.

Айзек Ашер

Айзек Ашер — главный лектор по политическим наукам Лондонского политехникума и лектор Лондонского университета по социологии и китайско-советским отношениям. Автор нескольких работ по социальной политике Китая.

Китайско-русские и китайско-советские государственные отношения: истоки и развитие

Самые ранние контакты, давшие начало государственным отношениям между династической Россией и Китаем, имели различные источники — в торговле, движении племен и политическом соперничестве, миссиях исследователей и русской колонизации.

С самого начала отношения между Китаем и Россией были в некоторых аспектах прямые, в других — косвенные, т. е. в них были вовлечены «третьи стороны» или же они начинались по инициативе «третьих сторон» — не-китайских и не-русских народов Внутренней Азии, рассеянных в обширной промежуточной зоне в период до того, как китайско-русские границы были исторически определены. Сегодня эти народы составляют национальные меньшинства обеих стран. Часто по обе стороны государственной границы можно обнаружить те же самые или тесно связанные национальные группы, и исповедание ислама является основным источником чувства родства между ними. В эти меньшинства входят казахи, узбеки и хуэйна северо-востоке Китая и уйгуры, монголы разных типов и тунгусо-маньчжурские группы — на севере и северо-западе. Их зоны или области соприкосновения перекрывались столетиями, и в настоящее время переговоры о пересмотре границ являются основной проблемой китайско-советских государственных отношений.

Другие «третьи стороны» — суверенные государства — также служили полем, где развивались отношения между Китаем и СССР, пограничные и иные. Крупные контингенты советских вооруженных сил расположены во Вьетнаме, Афганистане и Монгольской Народной Республике (МНР). Китайские вооруженные силы в феврале-марте 1979 года вторглись в пограничные области Вьетнама и заняли несколько городов, но переговоры после вывода войск не привели к соглашению. Массированное советское вторжение в Афганистан началось в декабре 1979 года, и пока нет никаких признаков того, что оно прекратится.

В китайско-русских и китайско-советских отношениях на карту было поставлено значительно больше, чем пограничные проблемы, с участием ли «третьих сторон» или без них. Первая «опиумная война» 1840-42 гг.,

втянув Китай и его маньчжурскую династию Цин в сплетенную Западом сеть международных дел, низвела Китай до статуса полу-колонии. Отношения Китая с царской Россией — единственные такого рода с европейской страной — к тому времени насчитывали уже 150 лет. С 1842 года в китайско-русских отношениях появились новые «третьи стороны»: Великобритания, США и Япония. Но перспектива качественно нового международного окружения открылась для Китая с победой большевистской революции и с официально провозглашенным Лениным отказом от империалистической политики, что придало новую надежду и энергию движению Сун Ятсена. Еще позже новые возможности открыло освобождение Китая в 1949 году и «ориентация Китая в одну сторону» в конфигурации соотношения сил на мировой арене того времени.

Временные фазы

Таким образом, целесообразно считать, что внешние сношения Китая прошли четыре фазы: до 1840 года, 1842-1917 гг., 1917-1949 гг. и после 1949 года.

До 1840 года внешние сношения Китая (в ту пору очень немногочисленные) строились на основе равенства; в 1842-1917 гг. — на основе подчинения; в 1917-1949 гг. — все еще на основе подчинения, но с надеждой, связанной с советской позицией в международных делах и — позднее — с растущим успехом в войне против Японии и новым объединением Китая под руководством коммунистической партии; после 1949 года — на основе общего национального возрождения и с перспективой пересмотра неравноправных договоров.

Из вышесказанного следует, что китайско-советские и китайско-русские отношения имеют весьма обширные истоки и последствия. Здесь будут указаны только некоторые из них — государственного характера, причем упор мы сделаем в основном на эпоху до освобождения. Но, не ограничиваясь просто перечислением официальных договоров, мы воспользуемся возможностью

обратиться к событиям более широкого масштаба, связывая их с другими процессами.

Экспансия царской России

Первые официальные контакты с маньчжурской династией Цин были вызваны экспансиией царской России к востоку от Европы через Сибирь и Внутреннюю Азию к Тихому океану.

По своему значению в мировой истории этот феномен экспансии царской России можно сравнить с экспансиией молодых Соединенных Штатов на запад от Атлантического океана к Тихому. Сравнение можно продолжить: США воевали с североамериканскими индейцами, а затем с Мексикой (захватив много районов, которые до сих пор носят оригинальные испанские названия — Лос-Анжелес, Сан-Франциско), а Россия вела войны во Внутренней Азии и затем захватила часть Китайской империи. Но бывшие китайские поселения получили русские имена: Хабаровск — вместо Поли, Владивосток — вместо Хайшенвай.

Казаки и маньчжуры

Продвижение царской России к востоку первоначально осуществлялось казаками — завоевателями и колонизаторами, которых в середине XVI века привел сюда Ермак. К 1639 году русские первоходцы пересекли Сибирь и достигли Тихого океана, в начале XVII века они пересекли Берингов пролив и установили пушную торговлю на Аляске. Они проникали даже в Калифорнию, пока продажа Аляски США (1867) не заставила их уйти с Североамериканского континента. В начале XX века контратака японского империализма вынудила русских несколько отступить (1904-1905), и, наконец, вступление советских сил в антияпонскую войну в августе 1945 года вновь восстановило Советский Союз в его ключевых позициях накануне освобождения Китая.

Как говорилось выше, продвижение русских на восток сопровождалось войнами. Ее отличие от русской торговли в Европе, которая осуществлялась частными торговцами интересами России в Сибири — мех, золото, серебро и шелк — были представлены государственными агентствами и подкреплялись военными блокгаузами. В 1628 году русские колонисты вторглись на бурято-монгольскую территорию к западу от озера Байкал, затем в 1641 году они установили контакт с тунгусами Приамурья (в бассейне реки Амур), народ этот родственен маньчжурам. Участники трехлетней экспедиции под руководством Пояркова (1643-46) и второй экспедиции под руководством Хабарова (1649-50) нападали на деревни, вымогая зерно. Местное население предупредило об опасности недавно вошедшую маньчжурскую династию Цин, и вследствие этого был установлен контакт между Россией и Китаем.

Обозрение

Маньчжуры первоначально были лесными жителями в районе современного Шэньяна (ранее Мукден, а еще раньше — Фентъен). При вожде Нурхачи (1559-1626) они создали военную организацию из тунгусских племен в форме объединения «восьми знамен». Нурхачи был предком последнего императора Китая, Пу И. Здесь есть еще одна связь с современностью. Революция 1911 года заставила Пу И — тогда мальчика — отречься от престола. Затем Пу И служил японским интересам в тогдашней Маньчжурии. После вступления Советского Союза в войну с Японией, на последней ее стадии, Пу И был захвачен в плен советскими войсками в Шэньянском (Харбинском) аэропорту в августе 1945 года (он рассчитывал убежать в Японию). Затем советские власти выдали Пу И одержавшей победу Китайской народно-освободительной армии. После нескольких лет «перековки» Пу И даже сделал карьеру в новом Китае: его избрали в Третий национальный народный конгресс в 1964 году. (Он умер в 1968 году.)

Равноправные и неравноправные договоры

Советские комментаторы любят сегодня подчеркивать юридический аспект международных договоров; отчасти этой темы коснулась и Маргарет Тэтчер во время своего визита в Китай в октябре 1982 года (речь шла о Гонконге). Но различие между неравноправными и равноправными договорами — исторический факт, и его нельзя отрицать. Да и не только к истории Китая применим термин «неравноправный договор».

Например, в начале периода новейшей истории Японии навязанные ей неравноправные договоры подверглись пересмотру. В ранних контактах с Японией европейские страны и США обеспечивали экстерриториальность своих анклавов (концессий) в портах, открытых по договору для внешней торговли и предназначенных для проживания иностранцев. Япония также была лишена тарифной автономии. Эти неравноправные договоры, которые Япония была вынуждена заключить в 1859 году (в последний период сёгуната, до «эры Мэйдзи» в 1867 году), открыли Западу порты Йокогама, Нагасаки и Хакодате. Но новые — равноправные — договоры в 1894-98 гг. отменили экстерриториальность, а в 1911 году восстановили японскую тарифную автономию.

В истории Китая первым неравноправным договором считается китайско-американский договор 1844 года, который распространял на США привилегии, закрепленные за Великобританией Нанкинским договором 1842 года. Последним неравноправным договором, подписанным Китаем, можно считать соглашение об экономической помощи между Китаем и США, заключенное в Нанкине 3 июля 1948 года представителями США и Чан Кай-ши и представляющее США обширные экономические привилегии.

Первым равноправным договором, подписанным Россией и Китаем, был Нерчинский договор (Нипчу) 1689 года. Он касался уйратов (западных монголов) как «третьей стороны» в пограничных проблемах в северо-западном Хэйлунцзяне (Маньчжурия). Неуклюже и робко сформулированные пункты договора определялись недостаточностью географического описания различных территорий, которые еще ждали своего исследования. Новым в договоре было то, что он был написан на маньчжурском, китайском, монгольском и русском языках и на латыни — причем латинская версия считалась официальной. Она ибыла подписана. Здесь ключевую роль сыграли священники-иезуиты. Для русской и китайской сторон, участвовавших в переговорах, единственным общим языком был монгольский — и они предпочли не использовать его, поскольку он являлся языком заинтересованной «третьей стороны».

Граница между Сибирью и Маньчжурией была установлена по реке Аргунь и продолжена вдоль Амура. Но вопрос о точной границе между Сибирью и Монгoliей так и остался нерешенным. Представитель России настаивал, что вопрос о границе не входит в его компетенцию, а китайская сторона — император Канси (1662-1722) — не обладал полнотой контроля над Монголией.

Эти трудности не были разрешены, даже когда Кяхтинский трактат (1727 год) дал России дополнительную территорию — очевидно, в обмен на обеспечение большей безопасности Китая. (Россия тем самым отделялась от монгольских племен.) Рейды монголов через границу, торговые задолженности Китая России увеличивали напряжение, так что еще до эры неравноправных договоров император Канси ввел политику предоставления России исключительных концессий и привилегий, с тем чтобы обеспечить ее нейтралитет в связи с трудностями, испытываемыми Канси на северных и северо-западных границах Китая.

В китайско-русских и в китайско-советских отношениях на карту было поставлено значительно больше, чем по-граничные проблемы.

Особые привилегии России в торговле, миссии русской православной христианской церкви, основанные русской дипломатической общиной в Пекине, и обмен между Россией и Китаем в области изучения языков — все это предшествовало концессиям, симой выработанным Великобританией в первой «опиумной войне». Но ключевым моментом являлось еще большее расширение привилегий России в эру неравноправных договоров: она воспользовалась положением Китая

для того, чтобы оказывать давление на район Амура и извлечь все, что только можно, в целой серии договоров: Или (1851), Айгун и Тяньцзинь (1858), Пекин (1860), Ливадия (1879). Договор, подписанный в Санкт-Петербурге в 1881 году, был редким исключением из общей тенденции, являясь частным дипломатическим успехом Китая в трудный для России период (Китай же пользовался дипломатической поддержкой европейских держав).

К концу столетия северный Хэйлунцзян (Маньчжурия) и автономная область внутренней Монголии стали «сферами влияния» России; Люшунь (Порт-Артур) и Дальний (Далянь) были «арендованными территориями». В русско-японской войне 1904-1905 гг. китайская территория использовалась как арена военных действий, и в результате войны президент Теодор Рузвельт говорил в Портсмутском мирном договоре (США, 1905) передачу аренды Ляодунского полуострова и Чанчуньской железной дороги от России Японии.

Перспективы новой эры

После победы большевистской революции перед Китаем открылись совершенно новые перспективы. Руководители советского правительства через Г. В. Чичерина в июле 1918 года и Льва Карабана в июле 1919 года заявили о своей готовности отказаться от привилегий царского правительства. Сунь Ятсена — как и многих революционеров стран третьего мира с тех пор — очень привлекло провозглашение Советами отказа от прежней империалистической политики России, и он приветствовал советскую военную поддержку и помощь.

После основания Коммунистической партии Китая в 1921 году и установления отношений между Коммунистическим интернационалом (Коминтерном), основанным в 1919 году, и Гоминьданом (партией Сунь Ятсена) отношения между Советской Россией и Китаем перестали быть чисто формальным государственным делом: они стали, помимо того, политико-идеологическими отношениями и не были уточнены должным образом, до тех пор, пока государственный переворот Чан Кай-ши в апреле 1927 года не прервал связь с Советским Союзом и пока КПК проходила ранние стадии своего развития по разным направлениям, предлагаемым, среди прочих, Чэн Дусю, Ли Лисаном и Ван Минем; во время Великого похода на конференции в Цзуньи было окончательно установлено руководство Мао Цзэдуна (январь 1935 года).

Когда в 1949-50 гг. Мао Цзэдун и Сталин установили официальные отношения между государствами, вытекающие из этого китайско-советские договор и соглашения (от 14 февраля 1950 года) несли на себе печать войны с Японией и всего лишь самой первой стадии пересмотра неравноправных договоров. Кроме договора о дружбе, сотрудничестве и военной помощи на 30 лет и долгово-

срочного экономического кредита Китаю, было подписано соглашение о возвращении Китаю порта Дальний (Далянь) в 1950 году, Чанчуньской железной дороги (возвращена в 1952 году) и выводе советских войск из Люйшуня (Порт-Артур) — это состоялось в 1955 году. Было подтверждено признание Чан Кай-ши в 1945 году Монгольской Народной Республики (МНР). (Международный статус МНР значительно улучшился с тех пор, как в 1961 году она стала членом Организации Объединенных Наций.)

Китайско-советский договор 1950 года, давно не применяющийся на практике, разумеется, потерял силу. Политико-идеологические разногласия между Китаем и СССР, затрагивающие и государственные отношения, имеют прецедент в разрыве Сталина с Тито в 1948 году. Непосредственной причиной китайско-советских разногласий стало

то недовольство, с которым было принято в Китае разоблачение Хрущевым Сталина в 1956 году. В намерения Хрущева не входило ссориться с КПК, но у него были собственные проблемы, и он считал свою политику по преимуществу внутренним делом. Политико-идеологические разногласия сопровождались ухудшением отношений между государствами, внезапным прекращением советской помощи и отзывом из страны советских инженеров в 1960 году.

В послехрущевский период, в 1964-66 гг., наметилось некоторое улучшение отношений, хотя полемика и соперничество между партиями продолжались и приобрели мировой характер. Культурная революция вызвала новое ухудшение отношений, но смерть Хо Ши-мина в Ханое в 1969 году оживила китайско-советские контакты. Начались переговоры по пограничным вопросам, которые с

перерывами продолжаются по настоящее время.

Неясно, как и до какой степени можно провести разграничительную линию между политико-идеологическими и государственными отношениями — эта проблема касается всех коммунистических партий, стоящих у власти. Сегодня Китай находится даже в лучшем положении для пересмотра своего отношения к Сталину и к идеологии — и для того, чтобы довести до сведения Коммунистической партии Советского Союза свою не раз высказанную точку зрения, что эти вопросы — внутреннее дело каждой коммунистической партии. В то же время ужесточение политики президента Рейгана и смерть Леонида Брежнева могут создать возможность для шагов к соглашению по проблемам границ между Китаем и Советским Союзом ■

С. Т. Лионг

С. Т. Лионг — старший лектор исторического факультета университета в Мельбурне (Австралия), специалист в области русско-китайских отношений, преподает китайскую и русскую историю. Среди опубликованных работ С. Т. Лионга — *Sino-Soviet Diplomatic Relations 1917-1926*. University Press of Hawaii, 1976 («Китайские советские дипломатические отношения, 1917-1926»).

Китайско-советская граница

Афоризм Роберта Фроста «хорошие соседи живут за хорошим забором» словно специально придуман для самой длинной границы в мире — между Китаем и Советским Союзом. Само их соседство, наподобие соседства двух упрямых и честолюбивых индивидов, взрывается конфликтами, независимо от идеологических и прочих соображений, которые могут объединять их. Когда это единство оказывается эфемерным перед различиями в коренных интересах, исторические обиды по поводу неудовлетворительного состояния разделяющей их изгороди оживают и окрашивают все их отношения. Обычное ухудшение отношений может выплыть в неконтролируемый вооруженный конфликт, сосредоточенный на границе — этого-то и боится мир.

В этой статье мы попытаемся вкратце описать китайско-советскую границу и рассмотреть некоторые из нерешенных вопросов, которые вполне могут оказаться такими точками воспламенения. Но если допустить, что у наций с внушительным арсеналом минимальный уровень рациональности, вероятно, выше, чем у тех двух индивидов, которым

случилось быть соседями, то не стоит преувеличивать значения этих проблем, во всяком случае, по сравнению с такими вопросами, как Вьетнам-Кампuchия, Афганистан и 45 советских дивизий, расположенных вдоль границы Китая. В самом деле, можно предполагать, что в ситуации контролируемых стрессов и напряжения вопрос о границе представляет собой всего лишь часть ритуала, входящего в то и дело возобновляемые и прерываемые переговоры, послания друг другу либо другим заинтересованным сторонам.

Когда-то территориальные вопросы были предметом продолжительных полемик, освещаемых в мировой прессе. Не надо забывать, что слова, сказанные сгоряча, могут и не отражать истинной позиции, если и когда ведутся реалистические переговоры. Действительно, многое говорит о том, что каждая сторона углубилась в дипломатию взаимного раздражения, занимая самые крайние позиции, чтобы вывести партнера из себя. С учетом этих обстоятельств перейдем к рассмотрению самих проблем.

Советско-китайские соглашения 50-х годов

Одним из сюрпризов первой серии соглашений, заключенных между двумя странами в начале 50-х годов, было то, что территориальный вопрос остался нерешенным. Сейчас общизвестно, что, несмотря на договор о дружбе, военной поддержке и взаимопомощи, рассчитанный на 30 лет, полного доверия между сторонами не было. Как позднее признал Мао, Сталин подозревал в нем второго Тито. Все же после упорного торга переговоры решили большинство существенных вопросов, остававшихся нерешенными после китайско-советских соглашений 1924 и 1945 гг.

Самым значительным из этих вопросов были интересы России в Маньчжурии. Советская аренда порта Даленъ была аннулирована в 1950 году, Китайская Чанчуньская железная дорога (включая прежнюю китайскую Восточную и Южно-Маньчжурскую дорогу) была возвращена в 1952 году, а морская база Порт-Артур — в 1955 году. Относительно Внешней Монголии, когда-то царского протектората, а с 1921 года — советского сателлита, Сталин в 1945 году вырвал у Чан

Обозрение

Кай-ши соглашение, что вопрос будет решен предбисцитом, и если монголы выберут независимость, будет признана существующая граница. Мао был вынужден принять свершившийся факт, но получил согласие Сталина на уточнение китайско-монгольской границы, которое было осуществлено лишь много позже, в 1962-64 гг.

Третьим по значению среди традиционных вопросов было право Китая на судоходство по общим пограничным рекам в Маньчжурии — Аргуни, Амуру и Уссури, — которое в прошлом часто нарушалось равно царским и советским правительствами. Соглашение по этому вопросу было достигнуто в 1951 году. Дополнительный вопрос — о навигации советских судов по Сунгари, реке внутри Маньчжурии, и навигации китайцев в низовьях Амура, граничащих с территориями, отошедшими к России в середине XIX века и, следовательно, являющимися русскими территориальными водами, был решен соглашением от 1957 года.

Предемнику Сталина, Булганин и Хрущев, во время визита в Пекин в октябре 1954 года пытались, по их собственным словам, «устранить причины напряженности». Они предложили, что Советский Союз откажется от советских фондов в акционерных обществах, которые Сталин вырвал у Мао для разработки минеральных богатств и нефти в Синьцзяне, и не будет требовать компенсации за осуществленную советскими силами реконструкцию морской базы Порт-Артура после 1945 года, которую Сталин вписал в соглашение 3. Воспользовавшись случаем, Мао поднял вопрос о статусе Внешней Монголии, а в январе 1957 года Чжоу Эньлай поставил в Москве целый ряд территориальных вопросов, но обе попытки были отклонены 4. Как вспоминал позднее Чжоу, «история держалась в тайне, поскольку в то время китайско-советские разногласия еще не стали достоянием гласности» 5. Поэтому, хотя эти ранние соглашения далеко продвинулись в решении главных вопросов, по которым в прошлом имелись разногласия, и даже продемонстрировали «наклон Китая в одну сторону» в биполярном мире, подводное напряжение по поводу нерешенных проблем осталось.

Вопиющим упущением этих соглашений было отсутствие какого бы то ни было документа относительно границ, а это означало, что они все еще определяются так называемыми «неравноправными договорами» царских времен и китайско-советским договором 1924 года. При заключении последнего оба правительства в принципе согласились на редемаркацию границ (при этом в виду имелись не более как минимальные уточнения), но поскольку подписание нового соглашения должно было состояться через шесть месяцев после подписания договора — обещание, которое Москва так и не сдержала, — пришлось считать действительными существующие границы. К тому же секретный протокол объявил все существующие «неравноправные договоры» между Китаем и Россией «практически не действующими, но не отмененными», пока не будет подписано новое соглашение о границах 6. Споров

60-70-х годов можно было бы избежать, заключив соглашение, которое оговаривало бы минимальные уточнения границы и, выдержанное в стиле обычных торжественных заверений в социалистической дружбе, легализовало бы за Советами право удержания царских завоеваний. То, что это не было сделано, вероятно, результат излишней чувствительности со стороны Москвы к каким бы то ни было разговорам об уточнении границ. Более того, это бы означало косвенное признание неверия в то, что соглашение о пересмотре договоров чего-то стоит. Для Пекина это стало удобным рычагом дискредитации Москвы.

Хотя трудно воспринимать всерьез резкий выпад Мао насчет сведений счетов с Москвой по поводу миллионов квадратных миль, отнятых «неравноправными договорами», сами специфические проблемы при ближайшем рассмотрении оказываются столь мелочными, что достичь решения было бы совсем несложно при желании обеих сторон.

Три сектора границы

Китайско-советская граница, протяженностью в 4.500 мили, распадается на три сектора, каждый из которых имеет свои проблемы. Начнем с Внешней Монголии: этот сектор относится к особой категории, так как по нему нет территориальных разногласий как таковых. В Монгольской Народной Республике Пекин не устраивает, конечно, ее полное подчинение Москве, при том, что здесь расположены советские войска как часть советской системы обороны. После сорокалетнего отсутствия в Монголию на краткий период 1952-1957 гг. вернулось китайское влияние — через экономическую, техническую и культурную помощь. Но после 1964 года, когда Монголия выслала около 20 тысяч китайских экспертов, она вновь стала целиком и полностью советским сателлитом 8.

В связи с Синьцзянским сектором возникает две проблемы. Он делится на районы, населенные казахами, киргизами, уйгурами и узбеками, национальными меньшинствами, которые причиняют беспокойство и той и другой стороне и история которых говорит об их возмущениях против подчинения великой державе. В 1916 году эти меньшинства на русской стороне восстали против мобилизации и около 300 тысяч бежали через границу в Китай 9. В 1962-63 гг. около 62 тысяч казахов и уйгуров в знак протеста против китайизации пересекли китайскую границу 10. В 1963 году китайцы обвинили русских в проведении «в широком масштабе подрывных действий в районе Или», а 13 августа 1965 года на границе Синьцзян и Казахстана даже состоялось сражение, оставшееся почти не известным 11. Во-вторых, на протяжении 192 миль к северу от афганско-китайско-советского перекрестка китайско-советская граница не охвачена никакими международными договорами. Это результат того, что в 1895 году Россия и Великобритания заключили соглашение за счет Китая, и следствие

последующего захвата Россией территории, которая отделяла ее от Китая 12.

На сегодня самым тревожным остается маньчжурский сектор, являвшийся основным поводом для поливания друг друга помоями и в дипломатии и в публичных выступлениях. Этот сектор стал и местом ожесточенных боев в марте 1969 года. Не говоря уж о возмущении китайцев вообще по поводу потерянных территорий, как бы символизируемых существующими границами, здесь можно выделить различные категории специфических проблем. Их обозначает сама граница, даже там, где деревянные столбы были заменены каменными в тех местах, где они, очевидно, обветшали, а кое-где и вовсе исчезли после последней ревизии границы в 1911 году. Здесь первоочередной вопрос — это спор о праве собственности на небольшие острова в общих пограничных реках. В случае с островом Черного Медведя в месте слияния Амура и Уссури эти разногласия также влияют на навигацию китайских судов из одной реки в другую. В середине XIX века, когда правительство Цинской династии уступило России огромные куски территории, оно и думать не подумало об этих островах. Царские дипломаты, со своей стороны, стремились сдвинуть границу к китайскому берегу. Болотистые и низко расположенные, эти острова непостоянны по размеру и форме, которые меняются в зависимости от уровня воды, между апрелем и ноярем, остальную часть года они покрыты льдом и снегом и их трудно отличить от замерзшей реки. 200 островов на Аргуни были поделены по договору от 1911 года, пять самых больших из них были оставлены во владении России — но вопрос этот до сих пор спорный. С другой стороны, право собственности на острова на Амуре и Уссури (а их больше 600, с общей площадью в 400 кв. миль) никогда не было зафиксировано в договоре. В действительности, обе стороны согласились в этом вопросе следовать принципу дна речной долины международного права, где говорится, что «центральная линия главного фарватера образует линию границы», за исключением, разумеется, тех мест, где главный фарватер периодически перемещается 13.

Это принципиальное соглашение могло бы разрешить спор об этих ничтожных островах, но только если и когда обе стороны почувствуют себя вынужденными уладить свои разногласия, что, в свою очередь, зависит не более как от направления мировой политики. В действительности, в 60-70-е годы каждая сторона заняла наиболее крайнюю позицию, чтобы выводить из себя партнера. Китайцы твердили о миллионах квадратных миль потерянной территории и тыкали русских носом в грязь, ссылаясь на непересмотренные «неравноправные договоры». Русские отплатили китайцам, в 1964 году неожиданно вытачив запасной козырь. В договоре 1860 года, заключенном еще до введения принципа дна речной долины, оговорено лишь, что границей будет река. Однако карты, разработанные смешанной пограничной комиссией в 1861 году, по-

казывают, что красная пограничная линия идет по китайскому берегу. Как я уже говорил в другом месте, это было следствием того, что малодушные чиновники Циньской династии столкнулись со скороговоркой царских дипломатов 14.

Сомнительно, имеется ли хоть одна такая карта в Пекине после того, как националисты перевезли архивы на Тайвань. По словам Невилла Максвелла, китайские чиновники говорили ему в 1973 году, что около 1950 года советская топографическая служба подготовила набор карт северо-восточного района границы, и граница там была указана по китайскому берегу. «Они сказали, что их правительство не думало о сложностях, возникающих в связи с этими картами, пока они не были проверены министерством иностранных дел в 60-е годы» 15. Во время работы в архивах министерства иностранных дел в Тайпэе в декабре 1977 года мне удалось обнаружить подлинные документы о договоре 1860 года и установлении границы в 1861 году. Среди них была карта, рассыпавшаяся на миллионы кусков, где красная линия идет вдоль китайского берега. Тем самым претензии китайцев на право собственности на некоторые из этих островов, а также на навигацию вдоль берегов реки ставились под сомнение. Это было уже не право, а претензия, которая могла стать предметом торга между обеими сторонами.

Китай столкнулся здесь с запоздалым ужесточением позиции России, это доказывает факт, что всего лишь в 1951 году соглашение о навигации предусматривало: «Ни одна из сторон не будет вмешиваться или препятствовать навигации судов граждан другой (стороны), когда эти суда находятся в своих территориальных водах, не пересекая установленную национальную границу» 16.

Остров Цыньбао/Даманский

Самый крупный конфликт между двумя странами имел место в марте 1969 года и разгорелся из спора о владении островом Цыньбао/Даманским, лежащим на полпути вниз по течению Уссури. Китайцы обосновывали право собственности на остров тем, что он находится с их стороны главного фарватера, хотя это как раз может быть один из тех случаев, когда главный фарватер меняется. Они патрулировали его, несмотря на протесты советской стороны, и после боев продолжают владеть им. Факты говорят о том, что они решили занять крайне символическую, явно националистическую позицию, выраженную в патетических декламациях того периода: «Мы не станем нападать, пока на нас не нападут; если же на нас нападут, мы, конечно, дадим отпор. Навсегда ушли дни, когда китайцев можно было запугать» 17. Другая характерная черта инцидента — то, что китайцы 15 марта не поразили русскую сторону с такой силой, как можно было бы ожидать, стремясь локализовать и сдержать конфликт. Если бы они жаждали инцидента, который дал бы более ощущимые результаты, они могли бы захватить занятый

русскими остров в месте слияния Амура и Уссури.

Площадь острова Даманского/Цыньбао всего лишь 2 км X 0,5 км. Когда поднимается вода, китайские пограничники несут службу на втором этаже специального здания на острове. Польза маленького острова для промышленности ограничена определенными периодами года, другого значения он не имеет. С другой стороны, треугольный остров в месте слияния Амура и Уссури больше — его площадь около 330 кв. км. На острове можно разместить большие фермы; проливы, проходящие через него, и воды, окружающие его, — прекрасное место для ловли лосося. Для России остров имеет значение как буфер к стратегически важному городу Хабаровску. Владение этим островом сейчас позволяет русским препятствовать легкому доступу китайцев водным путем между Амуром и Уссури. Китайцы могут быть вынуждены пользоваться проливом Казакевича/Фу-и — узким, длиной в 18 миль проливом, который в период межени не пригоден для навигации больших судов, везущих вверх по реке уголь и возвращающихся назад с сельскохозяйственными и лесными продуктами. Право на остров определяется местом слияния двух рек, и это чревато последствиями для китайского судоходства.

«Хорошие соседи живут за хорошим забором».

Спор по поводу этого острова имеет самую длительную и мучительную историю — по сравнению со спорами относительно других островов. У острова никогда не было официального названия, в старых китайских документах он упоминается как «треугольный остров» 19. Позднее китайские чиновники назвали его «дельта Фу-и», а его местное китайское наименование звучит как «Хей-сяцы» (Черный медведь). Истоки разногласий вновь коренятся в различных интерпретациях соглашений 1860-1861 гг. и приложенных карт. В тексте договора 1860 года, который определил Амур и Уссури как границу между двумя странами, вновь не сделано никакой специальной ссылки на остров, находившийся на слиянии рек. Если кто-либо из подписавших договор и знал в то время о суще-

ствовании острова, он, разумеется, не придал этому никакого значения. Маньчжуры почти не передвигались на судах, а когда китайцы начали ходить на парусных судах по этим рекам в 10-е годы нашего века, пролив Казакевича/Фу-и был вполне пригоден для их маленьких суденышек, и им приходилось меньшее расстояние преодолевать пешком. Так что вопрос об использовании места главного слияния рек встал лишь в 20-е годы.

Русские обосновывают свои нынешние притязания на остров не на договоре, а на приложенных к нему картах, на которых красная линия пересекает остров Черного Медведя и идет вдоль пролива Казакевича/Фу-и. В документах комиссии по установлению границы рассказывается, что маньчжурский член комиссии, небезразличный к существованию острова, воздвиг с согласия русских разделительный столб в устье Уссури. Если верить рассказам китайцев, история этого отдельного столба после его восстановления в 1877 году — одна из тайных интриг русских. В 1886 году, когда китайские и русские чиновники встретились, чтобы заменить деревянный столб каменным, он был смыт, и русские утверждали, что обнаружили его в Казакевичево. Циньские чиновники поверили русскому делегату на слово и сделали границу на слиянии против Казакевича/Фу-и и Уссури 20. После этого русские рассматривали остров Черного Медведя как свою собственность, хотя до 10-х годов здесь можно было обнаружить китайских поселенцев. Русская Амурская пароходная компания построила на острове два дока, и китайским кораблям пришлось ограничиться проливом Казакевича/Фу-и. В 1919 году в приступе ярости власти провинции Дилин приказали снести разделительный столб, чувствуя, что китайская сторона бассейна Уссури отделена от остальной Маньчжурии, и тем самым прегражден легкий доступ водным путем между Амуром и Уссури. Этот вопрос тоже добавился ко многим другим, по которым должны были вестись переговоры с новым правительством России 21.

Точный статус острова Черного Медведя с середины 20-х годов до 1949 года не совсем ясен. Согласно китайским источникам, в августе 1927 года советские официальные лица в переговорах с китайцами признали остров китайской территорией 22. Разумеется, никакого письменного соглашения по этому вопросу не было. Остров как будто находился под японской и китайской оккупацией в 30-е годы и до конца Второй мировой войны, когда он вновь перешел к русским. После 1949 года он был возвращен Китаю, и по сообщениям, здесь была построена государственная ферма. Затем, в 1959 году, после того как наводнение, очевидно, вынудило китайцев эвакуировать остров, он был вновь занят русскими. По сообщениям, Лю Шаоци поднял этот вопрос во время своего визита в Москву в 1960 году, но из этого ничего не вышло 23.

Однако в то время переход острова в руки русских не повлиял на китайское судоходство в месте слияния рек. Право пользования этими водами все еще регулировалось соглашением 1951 года. В самом деле, в 50-е

годы даже разрабатывались совместные проекты углубления русла реки для улучшения судоходного пролива 24. Русские начали препятствовать судоходству китайцев только после 1967 года: с началом навигации они загородили слияние рек бронированными катерами, и первый же китайский корабль, направлявшийся к Хабаровску, был взят на абордаж, команда задержана, а затем и корабль и команду повернули назад 25.

Переговоры

С середины 60-х годов переговоры о границах и судоходстве возобновились и продолжались еще десять лет, не приведя ни к каким результатам. С начала 70-х годов русские стали ставить признание принципа дна речной долины в зависимость от признания китайцами острова Черного Медведя советской территории. Китайцы отвергли это, поскольку считали остров китайской территорией и осуществление судоходства в месте слияния Амура и Уссури — своим правом. Затем, в результате переговоров во второй половине 1977 года, было достигнуто неформальное соглашение, что русские будут открывать место слияния рек для китайских судов в периоды межени в канале Казакевича/Фу-и. Вопрос о территориальной принадлежности остается открытым и подлежит обсуждению на официальных переговорах,

которые все время откладывались. Новое соглашение не слишком способствовало улучшению отношений: именно тогда, когда китайские суда возобновили навигацию в месте слияния, китайцы обвинили русских в том, что движение бронированных катеров вдоль берега реки угрожает китайским ловцам лосося 27.

Разногласия, о которых здесь рассказано, доказывают, что при благоприятных условиях — а сейчас их вполне можно сделать благоприятными — эти традиционные проблемы оказываются слишком тривиальными и легко разрешимы, чтобы стоять на пути сближения Китая и Советского Союза. Их решение зависит от обстоятельств, не имеющих к ним отношения. ■

1. Я развел этот аргумент в статье «Traditional Issues in Sino-Soviet Relations since 1949», in China: Development and Challenge (Proceedings of the Fifth Leverhulme Conference), eds., Lee Ngok and Leung Chi-keung (Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1979), pp. 117-143.

2. Mao Zedong xuanji (Selected Works of Mao Zedong), Vol. V (Peking, 1977), p. 286.

3. Zhonghua renmin gongheguo tiaoyueji (Collected treaties of the Chinese People's Republic; Peking, 1957), II, pp. 2-3; John Gittings, Survey of the Sino-Soviet Dispute (London, 1968), pp. 56-57.

4. Dennis J. Doolin, Territorial Claims in the Sino-Soviet Conflict: documents and analysis (Stanford, 1965), pp. 15, 19, 42-46.

5. Ibid., pp. 45-46.

6. О договоре 1924 года и о секретном протоколе см. мою статью: Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917-1926 (Honolulu, 1976), chap. 12.

7. Doolin, pp. 37-38.

8. Robert A. Rupen, «Sino-Soviet Rivalry in Outer Mongolia», Current Scene, I, II (31 August 1961), pp. 5-6; O. Edmund Clubb, China and Russia: The Great Game' (New York, 1971), pp. 498-99.

9. Richard A. Pierce, Russian Central Asia 1867-1917 (Berkeley, 1960), pp. 271-96.

10. Clubb, p. 496.

11. Doolin, pp. 37-38; Tai Sung An, The Sino-Soviet Territorial Dispute (Philadelphia, 1973), pp. 105-6.

12. J. R. V. Prescott, Map of Mainland Asia by Treaty (Melbourne, 1975), pp. 64-65.

13. Peking Review, 10 (7 March 1969), p. 7; Nevil Maxwell, «A Note on the Amur/Ussuri Sector of the Sino-Soviet Boundaries», Modern China, I, 1 (January 1975), pp. 122-23.

14. Leong, «Traditional issues in Sino-Soviet relations since 1949».

15. Maxwell, «A Note on the Amur/Ussuri Sector», pp. 119-20.

16. Zhonghua renmin gongheguo tiaoyueji, I, p. 9.

17. Peking Review, II (14 March 1969), p. 14.

18. J. R. V. Prescott, H. J. Collier, D. F. Prescott, Frontiers of Asia and Southeast Asia (Melbourne, 1977), p. 12.

19. Zhong-O guanxi shiliao (Historical materials on Sino-Soviet relations): Dongbei biefang (Manchurian border defence, 1921), comp., Wang Yuchun (Taipei, 1975), p. 7, Doc. 8.

20. Подробно относительно столба см.: Leong, «Traditional issues in Sino-Soviet relations», pp. 134-36.

21. Zhong-O guanxi shiliao: Dongbei biefang, 1921, p. 7, Doc. 8.

22. Cheng Faren, Zhong-O guozhei tukao (A study of Sino-Russian boundaries with maps; Taipei, 1969), p. 84.

23. George Guinsburgs, «The Dynamics of Sino-Soviet Territorial Dispute: The Case of the River Islands», in The Dynamics of China's Foreign Relations, ed. J. A. Cohen (Cambridge, Mass., 1973), p. 3.

24. Renmin Ribao, 16 April and 19 December, 1957.

25. Maxwell, «A Note on the Amur/Ussuri Sector», p. 122.

26. Ibid., pp. 122-23.

27. Ian MacKenzie, «'Salmon War' rages on Border Waters», South China Morning Post, 15 December 1977.

Михаил Хенчинский

Михаил Хенчинский — специалист по военной экономике. В прошлом участник польского Со- противления, затем старший научный сотрудник Института Военной экономики и старший преподаватель Военно-политической академии в Варшаве. С 1969 года живет в Израиле и является научным сотрудником Восточно-европейского и Советского центра Иерусалимского университета. М.Хенчинский — автор ряда книг и статей по проблемам военной экономики.

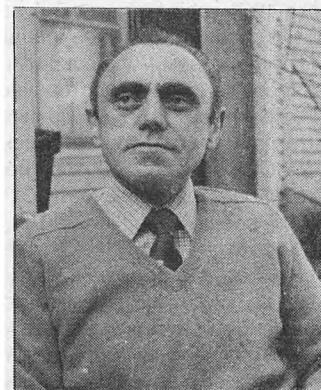
Заметки о советском военно-промышленном комплексе

Вот уже больше полувека экономисты, политики и военные пытаются найти ответ на вопросы о целях, источниках и пределах советской системы обороны. Наращивание военного потенциала Советского Союза за десятилетия, прошедшие после Октябрьской революции, единодушно признается беспрецедентным успехом и сторонниками, и противниками этой страны. Нынешние руководители и многие русские гордятся тем, что материализовалась мечта поколений правителей этой большой страны — быть силь-

нейшей в мире. Но большая часть народа молчит и не понимает, почему нужно ввязываться в конфликты в далеких странах¹.

Миф

С военной точки зрения советская социально-политическая система являет собой идеальную модель. Централизованная, с экономикой, почти целиком принадлежащей государству, с сильным аппаратом террора,

она чрезвычайно облегчает задачу подчинения развития всей страны военным интересам. Советские руководители двояко использовали возможности, предоставленные системой: они создали одну из самых мощных армий и военных промышленностей в мире, и они обманывают свой народ, заставляя его думать, будто на военные цели тратится лишь небольшая часть государственного бюджета.

По официальным данным, опубликованным в советских статистических ежегодниках, советский оборонный бюджет составляет (в миллиардах рублей): в 1975 — 17,2; в 1980 году — 17,1; в 1982 году — 17,0 (запланированная цифра). Более того, в 1981 году на долю обороны приходилось 7% от госу-

дарственного бюджета, а в 1982 году было предусмотрено уменьшение до 5,3%. В США оборонный бюджет в 1981 году вырос до 180 миллиардов и составил около 25% государственного бюджета. Если сравнить оборононый бюджет СССР с бюджетом США на основе официального соотношения между советским рублем и долларом, то окажется, что США тратят на вооружение в 7,5 раз больше, чем СССР². Эти цифры следует трактовать в контексте других опубликованных статистических данных. В 1980 году производительность народного хозяйства СССР составила 40% по сравнению с США, а производительность советской промышленности по сравнению с американской — 55%³. Если судить по статистическим данным других стран Варшавского пакта, выясняется, что СССР миролюбивее даже своих поработленных союзников. Рост расходов на оборону в четырех наиболее представительных странах Варшавского пакта (исключая СССР) в течение последних 5-6 лет колеблется между 25-30% и превысил рост их национального дохода⁴. Разумеется, опубликованные данные о расходах на оборону представляют всего лишь часть всех реальных расходов на оборону Варшавского пакта.

Читая эти данные, можно задаться вопросом: почему СССР использует свою статистику для такого тривиального обмана? Зачем это делать в эпоху спутников, которые могут подсчитать большую часть советского производства вооружений и запасы оружия? И хотя официальный советский оборононый бюджет действительно рассчитан в основном на внутреннюю пропаганду, не следует недооценивать и его международного аспекта.

30 марта 1971 года тогдашний руководитель партии Леонид Брежнев предложил главным государствам мира сократить расходы на вооружение в одностороннем порядке. Нетрудно понять его намерения, если учесть, что двумя годами позже, в сентябре 1973 года, СССР предложил, чтобы постоянные члены Совета безопасности ООН сократили свой военный бюджет на 10%⁵. Никому, кто хоть что-нибудь знает о советском производстве оружия и реальных расходах на оборону, не придет в голову, что основой для сокращения военных расходов станет официальный советский оборононый бюджет. Поэтому имеет смысл более пристально взглянуть на видимую часть деятельности советского военно-промышленного комплекса.

Действительность

Согласно американской оценке советских расходов на оборону, они возросли (в долларах по состоянию на 1978 год) с 127,8 миллиардов в 1970 году до 166,7 миллиардов в 1979 году, или на 30,4%, составив более 14% советского валового национального продукта; общий объем расходов в это десятилетие достиг 1.447.880 миллиардов долларов. Советский Союз с каждым годом увеличивал свои военные расходы в пересчете на душу населения: с 575 долларов в 1970 году они возросли до 633 в 1979 году⁶.

Советский Союз — самый крупный в мире производитель и экспортёр оружия. В 1976-1980 гг. он произвел в 2,5 раза больше танков, чем США, в 6 раз больше бронетранспортеров, в 20 раз больше артиллерийских орудий, вдвое больше боевых самолетов, втрое больше вертолетов, в 17 раз больше стационарных зенитных управляемых ракет и втрое больше боевых подводных лодок⁷. Однако от 30 до 60% оружия, произведенного за период 1977-1981 годов, было экспортировано в различные страны, в основном в коммерческих, но также в военных и политических целях. В последнее десятилетие доля оружия в советском экспорте составила от 12 до 25%. Но если сравнить советский экспорт оружия с объемом экспортимых промышленных изделий, получится поразительный результат: стоимость оружия, экспортированного в 1976-1979 годы, в 2,3-2,7 раза превысила стоимость экспорта на Запад промышленной продукции⁸.

Официальный советский военный бюджет рассчитан на пропаганду.

С конца шестидесятых — начала семидесятых годов экспорт оружия стал одним из основных источников гарантированной твердой валюты, необходимой для того, чтобы сбалансировать растущий ввоз зерна и западной технологии. Таким образом, военно-промышленный сектор может продолжать расширяться в соответствии с советской доктриной массовых армий, снабженных большими количествами оружия. Вот почему СССР, даже перед лицом экономических трудностей, в последнем пятилетнем плане (1981-1985) предусматривает увеличение военного производства на 43,8%, а гражданского — только на 34,8%. За период с 1969 до 1979 года стоимость оружия, экспортированного СССР, возросла с 1,1 до 9,1 миллиарда долларов. Только в 1975-1980 гг. Советский Союз продал оружия за границу на сумму в 40,8 миллиардов долларов. В результате советская военная промышленность стала решающим экономическим фактором в функционировании всей национальной экономики. Поэтому в рамках современной структуры советской промышленности невозможно остановить продолжающийся рост производства вооружений и сократить масштабы их экспорта. Руководители СССР стали пленниками собственной военно-экономической доктрины и десятилетий милитаризации своей страны.

По недавно опубликованным данным американской разведки, 134 крупных советских завода работают исключительно на военные нужды, им приданы более 3.500 сборочных производств. К концу 70-х годов на специализированных и вспомогательных заводах было занято около 20 миллионов человек, а их ежегодная продукция составила 40% продукции всей советской промышленности⁹. Ежегодный прирост производствен-

ных площадей этих заводов в 1976-1980 гг. составлял в среднем примерно 3%. Темпы роста поставок оружия в 1960-1979 гг. достигли 9,6% в год, и ежегодный рост производительности в оборонной промышленности также превышает рост производительности в других отраслях 10.

Экономисты обычно утверждают, что советское производство вооружений и высокие затраты на военную промышленность являются основными причинами очень низкого уровня жизни советских людей. Но не следует недооценивать еще одного важного негативного аспекта: специальной экономической системы, созданной для советской военной промышленности.

Обширное производство вооружений, прежде всего, затрудняет проведение необходимых реформ внутри экономической системы. Как можно вводить экономические реформы в стране, где работает около 4 тысяч больших военных заводов и научно-исследовательских институтов, пользующихся широкими привилегиями и функционирующих внутри искусственно заниженной системы цен? Существование значительного военно-промышленного сектора — наиболее влиятельный фактор, делающий невозможным установить себестоимость и цену промышленных изделий независимо от нерациональных решений центральных планирующих органов. Анализируя роль советских расходов на оборону и производство вооружений в этом, более широком экономическом контексте, мы должны видеть не только непосредственные издержки, связанные с военными затратами, но и их непрямые экономические последствия, которые могут оказаться не менее разрушительными для всей советской экономики. ■

1. Полковник Пеньковский в 1962 году отмечал, что советские люди на улицах говорят: «Мы живем впроголодь, всего не хватает. Что нам даст борьба за Берлин?.. А теперь нам еще Кастро надо помочь, когда у нас у самих мало одежды и хлеба...» Penkovsky Papers, Ballantine Books, New York: 1965, pp. 255-256.

2. Рассчитано по различным советским статистическим ежегодникам («Народное хозяйство СССР») и американским источникам.

3. Плановое хозяйство, 1981, № 9, с. 82; Экономические науки, 1981, № 9, с. 94.

4. Рассчитано по: The Military Balance, IISS, London, разные номера.

5. SIPRI Yearbook, Stockholm, 1974, p. 393.

6. World Military Expenditures and Arms Transfers (далее как WMEAT). U. S. Arms Control and Disarmament Agency, Washington 1981, pp. 76 and 118.

7. John L. Scherer, USSR, Facts and Figures Annual, Vol. 6 Gulf Breeze 1982, p. 93.

8. Michael Checinski, The Strategy of Soviet Arms Policy, Stiftung Wissenschaft und Politik, Ebenhausen, 1982, p. 17.

9. Рассчитано по: WMEAT, op. cit., и по: Statement of Lt. General James A. Williams, Director, Defense Intelligence Agency, before the Joint Economic Committee, Subcommittee on International Trade, Finance, and Economic Security, June 29, 1982 in: Allocation of Resources in the Soviet Union and China — 1982 (US Congress, Washington, D. C., 1982) (Forthcoming).

10. Statement of General Williams, op. cit.

Андрей Амальрик

Андрей Алексеевич Амальрик (1938-1980) — русский писатель и общественный деятель. Автор книг «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года» (1969), «Нежеланное путешествие в Сибирь» (1970), сборник статей «СССР и Запад в одной лодке» (1978), «Записки революционера» (1982) и др., принесших ему мировую известность. За свою общественную и публицистическую деятельность А. Амальрик подвергался арестам, провел несколько лет в заключении и в ссылке. В 1976 году был вынужден вместе со своей женой, художницей Гузель Амальрик, покинуть СССР. Трагически погиб в ноябре 1980 г. в Испании. Публикуемая статья написана в сентябре 1980 года.

СССР едва ли вторгнется в Польшу...

Во время пика «рабочих волнений» в Польше у меня было чувство, что западные политики и обозреватели нервничают если не меньше, чем советские руководители, то больше, чем польские рабочие. Подтвердилось старое правило, что те, кому есть что терять — в данном случае западный политический истеблишмент и польская католическая церковь, не склоняются на советы о «благоразумной осторожности» тем, кому терять особенно нечего — в данном случае польским рабочим.

Западные политики боялись, что советское военное вторжение в Польшу покончит с остатками диктатора, поведет к еще большему разрыву между восточной и западной частями Европы, а главное, потребует от них ответных действий — им самим совершенно не известно, каких. Для польской церкви советское вторжение означало бы потерю той самостоятельности, которой она пользуется сейчас. Страх, однако, плохой советчик, и у меня впечатление, что рабочие проявили и большую выдержку, и большее понимание ситуации, чем уклончивые сторонники статус-кво.

С самого начала я считал советское вторжение маловероятным, хотя оно, казалось бы, легко укладывалось как в матрицу двухсотлетних русско-польских отношений, так и тридцатилетних отношений между СССР и его восточноевропейскими «союзниками». Но решающими, я надеюсь, могли и могут оказаться два других фактора.

Во-первых, СССР осторожен в выборе тех, кому он оказывает «братьскую помощь». Это традиция со времен сокращения московскими князьями русских земель, и благодаря нежеланию сразу проглотить то, что трудно будет переварить, эта гигантская империя, все более разбухая, и существует несколько столетий.

Оккупированные в 1939 году без всякого сопротивления Литву, Латвию и Эстонию СССР формально присоединил к себе в августе 1940, между тем, сопротивление Финляндии зимой 1939-40, хотя финны и были разбиты, заставило СССР признать право Финляндии на независимость. В 1948 году СССР отказался от военного вторжения в

Югославию, зная, что ему будет оказано сопротивление. Вторжение в Венгрию в 1956 году, вызванное страхом распада всего восточноевропейского блока, произошло тогда, когда Венгрия находилась в состоянии гражданской войны и не моглаказать серьезного сопротивления. Но и тому сопротивлению, которое было оказано, венгры обязаны относительной свободе в рамках советского блока.

Напротив, полицейский режим в Чехословакии объясняется тем, что страна не оказалась вооруженного сопротивления советскому вторжению в 1968 году. Советские власти, как и Гитлер сорок лет назад, пошли на это вторжение именно потому, что считали, что чехословацкая армия не окажет сопротивления.

Такую же осторожность СССР проявил и в Азии. Например, с 1919 года он удерживается от искушения установить контроль над Ираном, опасаясь сначала реакции западных, а затем мусульманских стран. Я думаю, что СССР не ввел бы свои войска в Афганистан, если бы учел заранее силу партизанского сопротивления. Если это сопротивление продлится несколько лет, СССР скорее всего будет искать политический компромисс.

Первая попытка наложить руку на Польшу кончилась в 1920 году поражением Красной Армии под Варшавой. В 1939 году советские войска вошли в Польшу, только убедившись, что польская армия окончательно разгромлена немцами. Страх перед польской армией сказался и в катынских расстрелах 1940, и в невмешательстве в подавление немцами варшавского восстания в 1944, и в назначении польским военным министром советского маршала в 1949. Ни в 1956, ни в 1970, при массовых волнениях, приведших к смене польского руководства, СССР не вводил войска в Польшу.

Польское правительство сможет опираться на армию в случае его конфликтов с рабочими только до тех пор, пока это остается внутренним польским вопросом. В случае советского вторжения армия не только сможет выступить против агрессора, но может возникнуть союз народа, армии и части партий-

но-государственного аппарата. Опасения этого удержат СССР от вторжения в Польшу, во всяком случае, если Польша будет охвачена гражданской войной.

Во-вторых, СССР все-таки не рассматривает военное вторжение как постоянный инструмент разрешения проблем с «союзниками» — но только как крайнее средство. Само же понятие «крайности» есть понятие психологическое, что могло казаться «крайностью» двадцать или десять лет назад, сейчас укладывается в рамки медленно, но эволюционирующей системы. Неверно, что история ничему не учит — на этот раз и польские рабочие, и польские власти, и советские лидеры пока что показали совершенно не славянскую, а чуть ли не английскую склонность к компромиссу.

Это не значит, конечно, что СССР примется с победой польских рабочих — но скорее всего захочет ликвидировать эту победу шаг за шагом, понимая, что рабочим труднее раскачаться на массовую забастовку, чем чиновникам по кусочку урезать их права. СССР будет поощрять польские власти на проведение «тактики многостороннего раскола»:

1. Препятствовать контактам между рабочими и интеллигенцией, убедить рабочих, что своих целей они достигли и союз с «диссидентами» для них только опасен.

2. Удерживать и переманивать в государственные профсоюзы рабочих льготами, которые независимые профсоюзы им предложили не в силах.

3. Не дать локальным независимым профсоюзам объединиться во всепольский союз.

4. Изолировать независимые профсоюзы от международного профсоюзного движения. Независимые профсоюзы в одной из социалистических стран ставят проблему и перед западными профсоюзами, привыкшими иметь дело с официальными партнерами на востоке — так, английские профсоюзы принимали в качестве представителя русских рабочих бывшего главу КГБ. Между тем международное сотрудничество — формы его следует искать осторожно — будет одним из решающих факторов для развития независимых профсоюзов в Польше.

5. Побудить польскую католическую церковь занять нейтральную позицию.

6. Создавать административные препятствия независимым профсоюзам и время от

времени под разными предлогами арестовывать их активистов.

Если этим польское рабочее движение удастся обуздать, у власти возникнет искушение широкой полицейской акции окончательно покончить с ним. Это, однако, через несколько лет может привести к еще более сильному взрыву.

Поэтому мне кажется более вероятной постепенная интеграция независимых профсоюзов в «социалистическую систему» — наподобие католической церкви они будут пользоваться свободой в рамках, не угрожающих монополии партии на политическую власть. Более того, если сейчас «угрозу советского вторжения» польские власти использовали для того, чтобы заставить рабочих вернуться на работу, а западных кредиторов — еще шире развязать кошельки, то в будущем «угрозу организованных профсоюзами забастовок» они смогут использовать как средство расширить собственную независимость от СССР — и опять же потрясти западных кредиторов.

...Но и Польша едва ли окажет СССР «братьскую помощь»

Ялтинская система, разделившая Европу на «советский» и «западный» блоки, оказалась прочнее версальской — но и она не вечна. Одно из условий существования советского блока — это более или менее унифицированные коммунистические системы во всех его странах, и кардинальное изменение системы в одной стране может оказаться первым шагом или к развалу блока, или к организации его на новых принципах.

Коммунистические системы оказались более гибкими, чем они казались вначале. Вместо обязательного единомыслия, в рамках системы — хотя и подавляемое — десятилетиями существует диссидентское движение; стал возможен и коммунизм с приоткрытыми границами — не только в Югославии существует почти полная свобода выезда и въезда, но и из СССР теперь можно, по крайней мере, уехать; частная собственность, хотя и весьма ограниченная, тоже нашла место в рамках системы. По-видимому, система не перестает быть сама собой, пока вся политическая власть сосредоточена в руках одной партии, вернее партийного аппарата. Это основа основ системы.

Если независимые польские профсоюзы не захотят или не смогут принять на себя политическую роль, то они станут таким же не «чисто» коммунистическим, но укладывающимися в польскую систему феноменом, как частные фермы или католическая церковь. Если же они усвоят политическую идеологию и превратятся во вторую независимую партию, если они займут такую позицию в коммунистической Польше, как занимают коммунисты в демохристианской Италии, тогда можно будет говорить о «финляндизации» Польши.

Такая перестройка системы может оказаться успешной, если она будет постепенной, но настойчивой, и получит понимание и

поддержку Запада, а не только опасения, «как бы чего не вышло». Тогда Польша, при достаточной стабильности внутри, сможет подтолкнуть и другие восточноевропейские страны к дистанционированию от СССР, положив конец его гегемонии в Восточной Европе.

Однако события в Польше могут оказать и более непосредственное влияние на СССР и другие страны советского блока. Именно влияния польского примера на своих рабочих боялись советские власти, начав одновременно с польскими забастовками глушение западных передач.

Конечно, пример действует только тогда, когда для следования ему есть историко-психологические условия. Наличие частных ферм в Польше не побуждает советских колхозников требовать роспуска колхозов. Независимость католической церкви в Польше не служит примером для православной церкви в СССР, вся высшая иерархия которой находится на службе государства и сама подавляет любое инакомыслие в церкви. Почему же думать, что независимые польские профсоюзы дадут советским рабочим толчок бастовать и организовывать свои профсоюзы?

Однако между польской и советской ситуациями есть две точки соприкосновения, которые могут сделать советских рабочих более восприимчивыми к польскому примеру.

Во-первых, забастовки и рабочие волнения послесталинской эпохи начались в СССР даже раньше диссидентского движения. Наиболее известным остается восстание в Новочеркасске в 1961 году, после повышения на 30% цен на мясные и молочные продукты. После этого государство избегало резко повышать цены на мясо, в результате чего во многих районах оно исчезло совсем. Забастовки с требованием улучшить продовольственное снабжение с тех пор проходили по всей стране, самые последние и наиболее известные — в этом году на автомобильных заводах в Горьком и Тольятти.

Забастовки носили локальный характер, в большинстве случаев были плохо организованы и оставались неизвестными ни для широкой советской публики, ни для западной. Поэтому власти легко справлялись с ними — либо подавляя силой, как это было в Новочеркасске, либо улучшая снабжение, как это было в Туле.

Но поскольку запасы продовольствия ограничены, затыкая прореху в одном месте, власти будут делать ее в другом. Двадцатилетие уровень жизни в СССР повышался, сначала быстрее, затем медленно, а к 1975 году наступила стагнация, и уровень жизни стал медленно снижаться, особенно это коснулось качества и количества пищи. Затем «рост ожиданий» не остановился, наиболее разочарованы, конечно, высокоплачивающие рабочие, которым часто нечего купить на деньги. Так что можно ожидать в СССР новые забастовки и беспорядки, особенно в случаях низких урожаев или трудности с закупками продовольствия за границей. Необходимость оказывать продовольственную

помощь Польше, Афганистану и другим странам, чтобы не осложнить положение там, еще более обострит положение в СССР.

У советских людей развито недоверие друг к другу, нет соединений, кроме как по партийно-государственной инициативе, что очень затрудняет возможность организации забастовочных комитетов и налаживание связей с другими фабриками и заводами или печатью — советские газеты такое же орудие государства, как и КГБ, и иностранные корреспонденты не допущены в большинство районов.

Поэтому советские власти были встревожены уже сделанными попытками организовать независимые профсоюзы, отчасти по примеру диссидентских групп.

В конце 1977 года В. Клебановым был организован свободный профсоюз, который правильно было бы называть «профсоюзом безработных», поскольку его организовали люди, уволенные с работы и добивающиеся восстановления. Он включал рабочих разных профессий из разных городов страны, выдвигал только экономические требования, но хотел поддерживать контакты с диссидентами. Вскоре его наиболее активные участники были арестованы КГБ, и практически он прекратил свое существование.

Вторая попытка была сделана в 1979 году небольшой группой рабочих и ставших рабочими интеллигентов, профсоюз тоже был организован по межпрофессиональному принципу, тоже сразу же подвергся репрессиям, и его организатор В. Борисов был в этом году выслан на Запад.

Таким образом, это были не совсем настоящие профсоюзы, и попытки кончились неудачно — но были сделаны первые шаги. Также Хельсинкская группа в Москве старалась наладить контакты с рабочими и освещать нарушение экономических прав в своих отчетах, что послужило причиной ареста и двенадцатилетнего срока заключения руководителя группы д-ра Юрия Орлова.

Польские события — несмотря на глушение западных передач и искажение информации советскими — польские события несомненно стали известны советским рабочим и вызвали реакцию: почему им можно, а нам нельзя? Это может вызвать раздражение и против поляков, но еще более против власти, и при первом же продовольственном кризисе найдутся те, кто захочет следовать польскому примеру.

Однаждцать лет назад я писал, что в начале восьмидесятых годов мы станем свидетелями крупных рабочих беспорядков в СССР — думаю, что мое предсказание близко к осуществлению. Правда, власти, как и ранее, без труда справляются с локальными выступлениями, но это, в свою очередь, затруднит им путь к взаимоприемлемому компромиссу. Если же рабочие беспорядки со временем охватят всю страну, оказать СССР «братьскую помощь» будет некому.

Сентябрь 1980.

Станислав Варецкий

Мы публикуем с небольшими сокращениями статью польского подпольного публициста, написанную, судя по всему, в конце ноября или в первых днях декабря и опубликованную в спецвыпуске «Информационного бюллетеня» Координационного бюро «Солидарности» за границей от 13 декабря 1982 года. Статью перевела Наталья Горбаневская.

Пейзаж после битвы

Пессимизм...

«Поимели нас, браток», — говорит Яцек. Сидя над недопитым чаем, он глядит на меня грустными глазами и повторяет: «Поимели нас, как хотели, и сказать нечего». Яцеку 25 лет, он электрик на заводе «Урсус». После начала войны он чудом избежал интернирования и с тех пор принимал участие во всех акциях, организованных профсоюзом. Я познакомился с ним на баррикаде 3 мая. С тех пор мы обменивались «литературой» и много раз отчаянно спорили на темы стратегии и тактики борьбы. После 10 ноября Яцек спорить перестал. «Литературу» берет, как прежде, но вопрос о перспективах дальнейшей борьбы словно перестал его интересовать. «С одной стороны — до зубов вооруженное ЗОМО, с другой — Глемп договорился с Ярузельским. У нас больше нет шансов на выигрыш. Какой-нибудь огрызок нам подбросят, да еще есть Лех, но все это уже не играет роли. Люди тоже устали, не видят перспектив. Получки не хватает даже до 25-го. Чуть высынешься — вышвырнут на улицу без разговоров, и уже никто тебя не защитит. Я тебе говорю: поимели...»

Настроение Яцека достаточно типично для многих активистов «Солидарности» на предприятиях. Неудавшаяся забастовка, соглашение Церкви с Вороной, о котором уже все воробы на крышах чирикают, неожиданное освобождение Валэнсы и его двусмысленное молчание — все это подорвало веру в возможность скорой победы или хотя бы почетной капитуляции общества, организованного в «Солидарности». Однако это не означает пассивного приятия статус-кво. Учредительные комиссии новых, «вороньих» профсоюзов топчутся на месте. Довольно часто случаи их самоликвидации перед лицом, как это определяют их творцы, «враждебности и незаинтересованности коллектипов предприятий». Заказы на подземную прессу приходят по-прежнему, не уменьшаясь, а те, кто кустарно производят миниатюрные значки «Солидарности», не могут угнаться за спросом. И все-таки настроение в стране не такое, как несколько месяцев назад. Уже никто не говорит о весенней всеобщей забастовке, уже не с таким напряжением ждут директив Временной координационной комиссии, авторитет которой серь-

езно ослаб. Скорее — с опасениями и надеждой — поглядывают в сторону Церкви.

...ОПТИМИЗМ...

Ксендз Стефан полон энергии и оптимизма. Этот сорокалетний священник одного из приходов под Варшавой с трудом находит время для разговора со мной. Кроме регулярного пастырского служения: «Вы себе, пан, и не представляете, сколько у меня теперь работы. Исповеди, крещения — намного, намного больше, чем, скажем, год назад», — он занимается распределением даров, постоянно, хотя и в меньшем числе приходящих с Запада, организует разнообразные формы «проповедания слова Божьего»: великопостные лекции для разных групп верующих, проводит работу с молодежью, встречи «Оазисов» (студенческих католических групп — «Р. М.») и — как он дает понять — некоторые другие серьезные дела, «о которых мы сейчас говорить не будем». Он сжато излагает свои предсказания на будущее: «Коммунизм, извините, клонится к упадку. Гляньте на Россию: полицейского выбрали — так боятся народа. У нас же им пришлось договариваться с Примасом. Народ стеною стоит за Церковь — он знает, что в Церкви сила. То, что делала «Солидарность», было очень хорошо и благородно, но у них ни на грош не было политической интуиции. Они хотели всего разом — это невозможно. Надо, как Церковь: терпеливо, шаг за шагом, но однажды взятых позиций не уступать. Народ за этот год поумнел. Костелы переполнены, все время строятся новые. Что ни говори, а поляк — это католик. А Церковь Польшу всегда будет защищать. Теперь вы, пан, увидите, как все придет в ход».

...реализм...

Другие ксендзы и католические деятели не разделяют оптимизма моего собеседника. «Церковь в Польше пользуется таким несомненным авторитетом потому, что власти всегда против нее боролись. «Официальные терпимые» католические движения — даже такие безусловно порядочные, как «Знак»,

— таким доверием никогда не пользовались, — объясняет мне представитель католической интеллигенции. — В вырисовывающемся компромиссе с властью Церковь может многое приобрести, но и потерять это безоговорочное доверие. У власти грязные руки, поэтому все глядят, не запачкал ли своих рук тот, кто их пожал».

Из случайно услышанного разговора. Военный комиссар одного из варшавских учреждений высказывает мнение, поразительно напоминающее предыдущее. «Церковь, — говорит он, — не хочет ни разгула страсти, ни анархии. Она должна будет заявить: пора кончать с авантюрами — за работу! Тутто они и увидят, как легко не требовать, а исполнять. Народ их уже не так будет любить, а они поймут, что у нас другого выхода не было». Разумеется, этот комиссар тоже не выражает мнения всего аппарата власти. В особенности, гражданский партаппарат решительно против всяческих «пактов с клириками». Нечему удивляться: этот самый аппарат позорно проиграл соперничество с духовенством в борьбе за душу народа. Всякие уступки выглядели бы усилением противника и ослаблением «руководящей роли партии», которую на практике и так жестоко ограничила армия. Свои предостережения аппарат распространяет не только для внутреннего пользования — знаменитое письмо Грабского в ЦК нашло доброжелательных читателей в Москве, где руководство, несмотря на потрясения при дежуре брежневского наследства, все с той же тревогой наблюдает происходящее за западной границей.

Опыт «среднего гражданина»

А так называемый средний гражданин? Средний гражданин вряд ли мыслит в категориях политической стратегии и тактики — он видит польскую действительность сквозь призму своего индивидуального опыта, подкрепляя его аналогичным опытом родных, друзей, знакомых. Опыт же этот строится вокруг нескольких основных фактов. Магазины снабжены лучше, чем год назад, но семейный стол не улучшился: сыр стоит дороже, чем перед повышением цен стоили мясные изделия. Чтобы отоварить карточки на мясо, надо по нескольку раз часами простоять в очередях, но многим семьям не по средствам отоварить их полностью. Одежды в магазинах практически вовсе нет, особенно такой, как пальто и шубы, а когда есть — чудовищно дорогая и плохого качества. Положение с обувью просто трагично: выдача обуви по ордерам дополнительно подняла спрос — тем временем оказалось, что вся продукция польской обувной промышленности способна удовлетворить его меньше, чем на 80%, и этой дыры не заткнуть лихорадочными попытками импорта, тем более, что за импорт нечем платить. При таком положении население было поделено на не-

сколько групп, которые будут получать ордера по очереди. В первой, кроме армии и милиции, оказались также работники здравоохранения и учителя. В следующих группах ордера распределяются по жребию: один ордер на трех трудящихся. Те же, кто не работает по государственному найму, получат свои ордера на зимнюю обувь дай Бог в марте...

Было бы, однако, упрощением считать, что эта сфера опыта ограничивается исключительно сферой потребления — к тому же, такого жалкого потребления. Польское общество испытала на себе в течение прошедшего года такой размах и такую остроту произвола, к каким оно не было готово. Уличные облавы и избиения дубинками, которые устраивало ЗМО по случаю демонстраций и без особого случая, доказали всем, что жертвой может стать любой, независимо от того, что он делает и что думает. Вот один пример: жестокое усмирение ... партсобрания на одном из варшавских заводов в начале войны. ЗМО полагало, что это собрание «Солидарности», — в ход пошли дубинки... Но еще более точный пример — судьба пассажиров одного трамвая, проезжавшего 10 ноября через площадь Дзержинского, где должна была проходить демонстрация. ЗМО остановило трамвай, пассажиров отвезли во Дворец Мостовых (Варшавское управление милиции — «Р. М.»), где всех прогнали по «тропинке здоровья» (сквозь строй милиционеров с дубинками — «Р. М.»). Люди падали под ударами дубинок, в свалке топтали друг друга. ЗМО не щадило никого: ни женщин, ни пожилых людей. Выпустили их на следующий день, заставив заплатить штраф за «нарушение общественного порядка» — по 20 тыс. золотых с человека.

Экономический террор многих сломил, полицейский — разжег ненависть. Непоследовательная и нередко ошибочная стратегия ВКК привела к тому, что решения кризиса люди уже не ждут от подпольного руководства профсоюза. В таком положении многие примут компромисс, ведущий к смягчению террора, но не поверят никаким подсписям и соглашениям, в то же время не втягиваясь в активное движение сопротивления. Симпатии общества останутся неизменными — но построенные теперь не на надежде, как в эпоху «Солидарности», а на ненависти к «Красному» и его прихвостням.

Армия и церковь

На уровне политического анализа положение вроде бы проясняется. Судя по всему, готовится Большой Компромисс между армейско-гебистско-экономическим аппаратом, с одной стороны, и Епископатом — с другой. Остальные возможные партнеры переговоров — ПОРП и «Солидарность» — временно исключены из игры. ПОРП непосредственно перед началом войны уже находилась в политической агонии, а дальнейший ход событий нанес ей решительный удар. Это не означает, что партаппарат не играет роли на политической сцене, но, кроме себя самого, он

уже никого не представляет: он не представляет даже тех рядовых членов партии, которые не согласились с решением о введении военного положения, — не говоря уже о широких массах общества. Политическая смерть ПОРП наступила в тот момент, когда оказалось, что, мало того, что она не может подвигнуть людей на какие-то действия, но и удержать их от других действий, вредных для системы, неспособна. Иначе говоря, не только уговорить, но и запугать не может. Год войны доказал, что аналогичный кризис пережила и «Солидарность» — в плане своих действий по «увещаниям», обращенным к правительству стороне. Она не «уговорила» власти вступить на путь политических реформ и не была в состоянии заставить их прекратить или хотя бы сократить репрессии. Итак, на политической сцене остался только аппарат, т. е. прежде всего, армия — и Церковь.

В этом разрезе можно смотреть на весь период между августом 80-го и декабрем 82-го как на неразрывную цепь событий, где объявление военного положения — лишь один из значимых моментов. Это период глубоких преобразований как внутри общества, так и внутри правящей верхушки, начатый тем, что «Солидарность» подорвала монополию власти ПОРП, после чего политической гибели ПОРП сопутствовал резкий рост значения профсоюза, в свою очередь тоженейтрализованного — на этот раз армией. Роль Церкви в этот период неустанно растет, пока она не овладевает своими сегодняшними, ключевыми позициями. Удаление со сцены партии и «Солидарности» развязывает руки оставшимся двум партнерам⁴. Они могут начать дележ «пейзажа после битвы».

Идеальное продолжение этого сценария было бы, вероятно, следующим. Во-первых, обе стороны обладают сферами интересов и средствами к действию, которые друг с другом не соперничают. Армия может запугать, что и сделала с успехом, но не может мотивировать. Церковь запугать не может, ибо не обладает аппаратом насилия, но можно влиять на состояние духа и взгляды общества и способна увеличивать силу общественного сопротивления либо склонить общество к принятию статус-кво. Церковь — в отличие от «Солидарности» — не будет бороться за власть; армия — в отличие от ПОРП — не будет бороться за власть над душами.

Во-вторых, у обеих сторон есть что предложить друг другу. Армия может облегчить Церкви выполнение ее пастырской миссии, отменив разнообразные, сохраняющиеся до сих пор ограничения в деятельности приходов, разрешив уроки Закона Божьего в школах или расширив область деятельности католических общественных организаций (таких, как Клубы католической интеллигенции), а то и позволив создать новые (например, христианско-демократические) профсоюзы. Церковь, в свою очередь, может успокоить население, чтобы власть не опасалась очередной общественной вспышки (как сделал это Глемп перед 10 ноября).

Осуществление вышеприведенного сценария не требует существенных политических уступок ни от одной из сторон. Политическая линия Церкви по отношению к «Солидарности», изложенная в знаменитой Ясногурской проповеди Примаса Вышинского в августе 1980 г., не подверглась никаким изменениям. Страстные обвинения в измене по адресу Церкви, раздающиеся со стороны деятелей подполья, хоть и оправданы морально, являются доказательством политического *wishful thinking*. С другой стороны, армия не будет вести вне своих рядов антирелигиозную или антицерковную кампанию, ибо не видит для этого никаких политических или идеологических оснований. С этой точки зрения положение выглядит ясным.

Тем не менее, все это не означает, что вышеописанный компромисс будет осуществлен, хотя дополнительным фактором в его пользу является почти полная отмена западных экономических санкций, согласно осуждаемых обеими сторонами. Первая помеха: и Церковь и армия глубоко консервативны, а вышеприведенный сценарий требует от них отваги в мысли и действии — прямотаки политической рисковости. Следует считаться с тем, что практическое осуществление принятых посылок может натолкнуться на инерцию структур в обоих институтах, притом что успех сценария зависит от его точного подетального осуществления. Во-вторых, обе стороны должны все-таки считаться с политически нейтрализованными, но не ликвидированными союзниками, которые по-прежнему располагают известными средствами давления. Эффективная реализация Большого Компромисса — смертельная угроза как для ПОРП, так и для «Солидарности». В-третьих, истоки силы обеих сторон не даны раз и навсегда: не используемый аппарат репрессий слабеет, а общественная поддержка зависит от осуществления общественных чаяний. В-четвертых, «союзническая надежность» обеих сторон, особенно правительственный, проблематична. Вероятны попытки приобрести для себя что-то большее, вопреки соглашениям, а это ослабит устойчивость и цельность Компромисса. Наконец, пятое и самое главное: ни одна из сторон не обладает полной автономией. Правда, степень подчинения Ярузельского Москве значительно выше, чем Глемпа — Ватикану, но и той, и с другой стороны нельзя исключить неожиданностей, связанных с глобальной политической обоих центров. Тем более, по политическим и идеологическим принципам Москва вряд ли переварит этот, как выразился один из деятелей «Солидарности», «союз креста с дубинкой».

Выходит, что этот, еще не сформулированный Компромисс уже ожидают ловушки и опасности. Однако принципиальные решения с обеих сторон, кажется, уже вынесены, и спорные проблемы касаются не того, «стоит ли», но «как» и «когда». Прелюдий, разумеется, станет отмена военного положения. Дальнейший ход событий будет зависеть от общественных последствий этого шага.

Необходим точный анализ положения

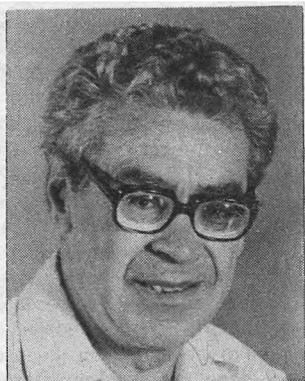
Что в таком положении должна сделать оппозиция? Прежде всего, отдать себе и обществу отчет в размерах, характере и причинах поражения. До сих пор наша политическая мысль в сфере диагноза не слишком далеко выходила за рамки гипотез столь же наивных, сколь ложных («власть может пойти с нами на компромисс, надо ее только заставить», «Церковь не ведет собственной политики, а только позволяет выразить общественные чаяния»), в сфере же прогноза не заходила дальше ближайшего будущего. Причины такого положения дел следуют усматривать в последовательном отрицании политического характера нашей деятельности (чтобы не раздражать власти, вторгаясь в их заповедные территории), а следовательно, в отказе от ясного полити-

ческого анализа и политической программы действий. Мы ограничивались выражением общественных чаяний, часто нереалистичных и взаимно противоречивых, вместо того чтобы формировать их и — в первую очередь — устанавливать иерархически. Я знаю, что такая оценка несправедлива по отношению к ряду лиц и групп, которые намного раньше и яснее, чем автор этих строк, очерчивали сферы проблематики и действия для польской политической мысли (я имею здесь в виду прежде всего деятелей КОРа), однако их наличие не меняет глобальной картины положения. Наша наивность и близорукость в немалой степени содействовали двум очевидным декабрьским поражениям, разделенным отчаянными метаниями в ходе двенадцати месяцев войны. Ни в эпоху легального движения, ни в подполье мы не создали долгосрочной политической программы, способной объединить усилия общества в его борьбе за свободу и независимость в действенное и координированное целое. Еще есть время исправить эту ошибку, и первые шаги в этом направлении уже сделаны.

На ближайшее же будущее надо перестраиваться на деятельность в условиях упадка общественной воли к борьбе, с опорой на ограниченную политическую базу (на уровне взглядов общество по-прежнему с нами — в этом-то ничего не изменилось), имея перед собой нововозникающее ложное общественное сознание, где религиозные и патриотические эмоции и символы и возбуждаемые ими эмоции будут использоваться против нас. В таком положении мы не имеем права упустить из виду главное: основа польского кризиса — противоречие между анахронической, не поддающейся реформированию тоталитарной системой и свободолюбивыми устремлениями общества — по-прежнему остается нетронутой. Ее не ликвидируют ни компромиссы, заключаемые от нашего имени у нас за спиной, ни резкие порывы решимости и отчаяния. Мы должны постепенно преобразовать эту систему — пока еще не поздно. Нового Августа уже не будет — возможны только «декабри». А еще одного Декабря эта страна, быть может, уже не переживет. ■

Александр Каждан

Каждан Александр Петрович — старший научный сотрудник Дублинского института византиноведения Гарвардского университета в Вашингтоне, доктор исторических наук. До 1978 года старший научный сотрудник Института всеобщей истории Академии наук СССР. А.П. Каждан — автор многочисленных работ, книг и статей, по истории Византии, по византийской экономике, социальным отношениям и культуре, изданным в СССР в 1952-75 годах. Последняя опубликованная работа А.П. Каждана (совместно с Дж. Констэблом) *People and Power in Byzantium*, 1982. («Народ и власть в Византии»).

Размышления об истории

По долгу службы мне приходится время от времени просматривать каталоги публикаций на русском языке, выходящих как в Советском Союзе, так и в нашем эмигрантском мире. И всякий раз чувство удивления охватывает меня: почему в Советском Союзе выходит сравнительно много книг на исторические сюжеты — популярных и исследовательских, посвященных России и зарубежным странам, и даже исчезнувшие цивилизации не оставлены без внимания, в то время как зарубежные русскоязычные издательства, если и затрагивают — изредка — прошлое, то лишь самое наименее интересное, да и то, главным образом, в поисках сенсационных разоблачений? Значит ли это, что русская эмиграционная среда по натуре своей далека от историзма? Не думаю. Но удивительное дело — большие русские историки, как Михаил Ростовцев или Александр Васильев, нашедшие приют в Соединенных Штатах, немедленно отвернулись от русского языка и стали писать и печататься по-английски.

Социологические (или демографические? Сейчас так много в ходу ученых слов, не получивших пока точной дефиниции) причины

антиисторизма или, скажем мягче, ан-историзма русской эмиграции — не предмет моих «Размышлений». Может быть, мы слишком заняты устройством собственного настоящего, чтобы еще думать о невозвратимо

исчезнувшем прошлом. Может быть, мы вывезли из Славного Отечества убеждение в бесполезности, даже вредности сочинений на исторические темы, уверенность в сугубом политиках историков, которые использовали прошлое либо для оправдания официального понимания современности, либо же, напротив, для либерального критицизма. Не знаю. Знаю только, что общества и эпохи очень разнятся между собой в их отношении к истории: одни убеждены в необходимости восстановить идеальные порядки римского, греческого или ветхозаветного прошлого и в своем жизнетворчестве роятся в освященные временем костюмы, другие, напротив, гордятся тем, что строят совершенно новый мир — мир социальной справедливости или мир объективной технократии — и потому с презрением обращаются на страны и времена, когда еще не было даже туалетной бумаги и скудоумные Платоны и Аристотели пользовались для этой цели галькой с морского побережья.

Что такое история?

В нашем мире, где равенство провозглашается

шено основной социальной добродетелью, не только люди, но и науки занимают каждая свое место на иерархической лестнице: есть науки более почтенные, менее почтенные и такие, что их только терпят по какой-то непонятной традиции. В самом деле, кому придется в голову писать апологию (то есть сочинение в защиту) математики или физики или медицины, — хотя было время, когда императоры изгоняли из Рима математиков наравне с предсказателями будущего и иными шарлатанами, а что касается медицины, то, наверное, о злокозненности и невежестве медиков написано немногим меньше, чем о лечении болезней. Но как бы то ни было, эти времена прошли, и в пользу математики и медицины не сомневаются ни те, кто ничего не знает о математике, ни те, кто пострадал от медицины. История на этой лестнице ценностей приютилась — по нормам XX столетия — в самом низу, и недаром один из крупнейших историков середины нашего века Марк Блок, основатель «новой» медиевистики (он был убит нацистами в конце Второй мировой войны) почувствовал необходимость написать «Апологию истории» и написал ее. В самом деле, зачем породчному человеку история, коль скоро он не собирается обосновывать «исторические права» на не принадлежащую ему территорию? Или доказывать, что классовая борьба была — всегда — прогрессивным двигателем человеческого развития? Или — на худой конец — что демократия есть венец на пути человечества вперед, иже не прайдеш?

Если я ставлю вопрос, зачем людям вообще и нам, русским эмигрантам в западном мире, в частности, зачем нам нужна история, то это уже признак бедности, признак обостренного чувства своей профессиональной неполноценности. Это голос вопиющего с самой нижней ступеньки иерархической лестницы наук, если, впрочем, вельможные братья еще согласятся допустить историю на эту — нижнюю — ступеньку, а не спишут ее начисто из разряда наук куда-нибудь во второсортную беллетристику, в дешевое политикачество или в гадание на кофейной гуще.

Давайте, прежде всего, попытаемся договориться о том, что следует понимать под историей. Само слово «история», его этимология вряд ли в состоянии нам помочь. Название это, как и названия большей части современных наук, греческое и связано с корнем, означающим «знать», «видеть». Всеобъемлющее, я бы даже сказал, претенциозное название для такой захудалой дисциплины, — впрочем, у греков, может, было на этот счет особое мнение. Мы могли бы сформулировать, что история есть наука, изучающая прошлое человечества, подобно тому, как палеоэтнология исследует прошлое животного царства. Я был бы очень доволен этим определением, если бы только мне было ясно, где именно кончается прошлое и где начинается настоящее. Ясно, что эта грань условна, что с течением событий она сама перемещается и что в разных странах ощущение прошлого/настоящего может быть различным. Греция, страна с богатейшим прошлым, может себе позволить не очень скучиться с растягиванием настоящего — у нее всегда останется кое-что для

«настоящей» истории. В Советском Союзе или в Соединенных Штатах приходится торговаться за каждый год, — если тут отрезать по греческим стандартам, боюсь, для истории ничего не останется. Здесь не только Вторую мировую войну, но даже последние президентские выборы позволительно рассматривать как историю.

Будем помнить, что грань между прошлым и настоящим условна, и не станем настаивать, что настоящее — сфера журналистики, политологии и мемуаров — начинается в 1970 или в 1975 году. Такая веха и невозможна и непродуктивна. Давайте допустим, что прошлое это такая совокупность процессов и фактов, которая в основных своих чертах завершена и потому поддается описанию, измерению и оценке. Конечно, это определение далеко от математической идеальности. Что значит «завершено» в применении к человеческому обществу — в каком-то смысле классическая Греция или итальянский Ренессанс еще не «завершены», еще оказывают влияние на нас и нашу

Общества и эпохи очень разнятся между собой в их отношении к истории.

культуру. Я не думаю, что научообразные слова «описание, измерение и оценка» достигают необходимой ясности или могут ее достичь. Однако если мы перейдем от абстрактных определений к конкретным событиям, то мы можем сказать, что безработица тридцатых годов есть завершенный исторический факт, тогда как безработица, висящая тяжким бременем на рейганомике, есть объект журналистики и политологии, коль скоро мы просто не знаем, куда она приведет и куда приведет страну. Понятия «прошлого» и «настоящего» — лишь первая группа нестрогих и расплывчатых понятий, с которыми читателю придется иметь дело, если он собрался читать эти «Размышления» до конца или хотя бы до середины; мы не в состоянии дать им дефиницию, но мы видим их образы. И плохи они или хороши, нам, историкам, приходится ими обходиться. Это закон жанра.

Всем понятно, зачем журналисты и политологи «описывают, измеряют и оценивают» настоящее, — их цель прогнозирование будущего. То, что настоящее не поддается «описанию, измерению и оценке», не делает их работу менее увлекательной; в конце концов можно стрелять в цель и в кромешной темноте, и при достаточно большом количестве выстрелов будет известное число попаданий. Беда только в том, что мы не узнаем об этом, покуда не рассветет, а тогда уже может быть поздно. Но историк — по определению — занимается завершенными процессами и, следовательно, — по определению — бесполезен. Тогда к чему же все это разглагольствование?

Задачи и цели истории

У истории есть несколько задач и целей, лежащих на разных уровнях. Прежде всего, никаку не денешься от простого человеческого любопытства: я хочу знать, как оно было. Просто так, бескорыстно — знать (вспомните этимологию слова «история»), как хочется слушать музыку или смотреть картины. В это закономерное любопытство подчас вписывается горделивый оптимизм: я хочу знать, насколько я умнее, культурнее или, во всяком случае, насколько комфорtabельнее живу, чем мои предки — дальние либо близкие. Иной раз, напротив, мы оглядываемся на прошлое в печальном разочаровании, замечая, что наши страсти и болезни, тяготы и беспокойства были «извечны» присущи «человеку разумному».

Бывает и иной, сугубо практический (практический) подход с целью использовать конкретный опыт прошлого для решения современной задачи: скажем, военный опыт фараона Рамсеса в его походах на хеттов, укрепившихся в Палестине, изучался английским генералом Алленби при подготовке вторжения в Турцию во время Первой мировой войны. Вряд ли, однако, мы вправе говорить в этом случае о подлинном историзме — тактика Рамсеса была предметом чисто военного, профессионального изучения. Со сходных позиций могут изучаться старинные карты или описания болезней. История, однако же, имеет свои задачи, не совпадающие с профессиональными — пусть очень почтенными — задачами современных генералов, географов или медиков.

Политолог изучает настоящее в надежде повлиять на будущее. Историк не претендует на прогнозирование и не дает советов. Может быть, это его ошибка. Может быть, если бы он давал советы (особенно в устной форме, без фиксации их в документе), чтобы ценили больше. Если можно предсказывать по звездам, почему бы не предсказывать по Геродоту? Но, повторяю, это не его задача, и, может быть, в этом методологическом различии грань между настоящим и прошлым обнаруживается более ощутимо. Но что же тогда — если не прогноз?

Историк, если только он отходит от простого «хочу знать», претендует на объяснение событий настоящего. И опять мы сталкиваемся с фразой, которая звучит как будто бы понятно, а на самом деле нуждается в пояснении. Описывая большие события прошлого, мы лишаем явления настоящего их мнимой уникальности. Мы ставим войну нынешнюю в ряд исторических войн, революцию двадцатого века в общий ряд революций, демократию западного мира в систему демократий, пережитых человечеством, авторитарские государства современности в многовековую историю тоталитаризма. Описание больших явлений прошлого не есть, разумеется, их отождествление с явлениями современности: сходство не есть тождество и не исключает противопоставления. Человеческий ум одинаково рьяно ищет в прошлом и схожесть и противоположность. Но не отождествляя прошлый опыт с нынешним, история создает фон и фонд для осмыс-

Обозрение

ления современности. Я позволю себе один пример. Без знания истории (как совокупности фактов и процессов в прошлом), при восприятии современности как уникальной, как легко и заманчиво сказать, что, мол, «бяка» Ленин и «бяка» Сталин, «бяки» большевики и «бяки» евреи (вместе с другими национальными меньшинствами) превратили Россию в тоталитарное государство. Интриги и зверства Сталина, равно как подъем еврейской культуры после Октябрьской революции настолько очевидные факты, что по дикарской логике *post hoc propter hoc* объяснение это звучит с завидной убедительностью. Но стоит внимательно посмотреть назад, и обнаруживается, что основная часть человеческой истории прошла под игом тоталитарных режимов, что автократия — не досадное недоразумение, не плод еврейских интриг, а в своем роде закономерный тип существования человеческого коллектива. Печально? Возможно. Но правда. Никаких выводов на завтрашний день. Ничего для разгадки, кто будет после Брежнева. Но кое-что для понимания мира вокруг тебя.

История и историк

Всегда приятно начать с банальной фразы, например, «Историю пишут историки». Как будто и сказал что-то — и вместе с тем не сказал. Однако и банальную фразу можно наполнить содержанием. Когда на воротах нацистских концентрационных лагерей писали «Каждому свое», эта римская максима, проповедавшая умеренность, приобретала иное и довольно мрачное значение. Действительно, так ли уж безнадежно банальна фраза об историках, пишущих историю? Ведь она подчеркивает, что процесс создания исторических книг не автоматичен, что за текстом стоит человек и что его творческая личность «вносит свой вклад» (опять банальная фраза!) или оставляет свой отпечаток на том, что написано.

Мы все воспитывались на Пушкине. Еще до того, как мы узнали о науке «история», слова Пимена закреплялись в нашей памяти:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет, —
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

Есть и другой, пожалуй, более международный образ, — башня словесной кости, где оторванный от земных и низменных страстей летописец создает правдивые сказанья.

Нет, вероятно, ничего более далекого от настоящего историописания, чем эти высокие образы. Закон земного притяжения или теорема Пифагора существуют, насколько я понимаю, независимо от наблюдателя, они, так сказать, «написаны природой». История пишется людьми и в зависимости от человека приобретает очень существенные от-

тенки. Большой немецкий историк Моммзен написал в прошлом веке историю Римского государства, и следом за ним другой немецкий историк Нич написал свою историю Римского государства, где «измерил и оценил» события кардинально по-другому, чем его предшественник. И это, мягко сказать, не единственный пример в развитии нашей науки.

Что это значит? Не есть ли это наилучшее свидетельство беспомощности исторической науки, которая и помещена по заслугам на самой нижней ступеньке иерархической лестницы наук? «Врут» или, в лучшем случае, «искажают» — вот они, самые подходящие слова для описания блудливых историков, не желающих сидеть в камере из слововой кости. Так? Не так. Совсем не так.

Историческое знание формируется из двух источников, значение которых неравнозначно. Один источник так и называется «источник», и о нем мы будем говорить в следующий раз. Скажу сейчас только, что он существует объективно и в одинаковой мере доступен каждому, кто пишет историю, — при наличии соответствующей подготовки, разумеется. Второй источник — это субъективный опыт исследователя, который определяется множеством факторов: начиная от личного таланта и степени самостоятельности мышления до, наоборот, силы традиции, приобретенной в процессе обучения. Сюда входят, разумеется, и общественные влияния всякого рода, религиозные верования, политические убеждения, социальные предрассудки, национальные пристрастия. Наконец, веяния времени — моды и проблемы — неминуемо находят свое отражение и отображение в картине воссоздаваемого прошлого. Историк отражается в своем сочинении и как личность (что, вероятно, свойственно и некоторым другим видам творчества), и как член своей общественно-идеологической и конфессиональной группы, и как человек своего времени. Это значит, что единой «объективной» истории нет и не может быть, что существует множество «историй» как форм осмысливания прошлого.

Но тогда — зачем это нужно?

Пренебрежение к «полисемантизму» исторического прочтения прошлого возникает из убежденности или предубеждения, что знание прошлого может быть только однозначным, «истинным» и что всякое противоположное «истинному» знание есть ложь. Такой фанатизм возникает от механического перенесения на историю принципов и методов точных наук.

История не есть сумма фактов прошлого. Как сумма фактов она способна удовлетворить лишь то, что мы назвали прошлый раз «простым человеческим любопытством». Но для решения более высокой задачи, для создания фона и фонда современности сумма фактов не может служить окончательной целью. Чтобы достигнуть этого, история должна быть процессом, должна существовать в движении и в противоречии. Полисемантизм есть нормальная форма существования исторического знания. Возникшая на базе объективно существующего запаса источников, доступного всем в одинаковой степе-

ни, полисемантизм определяется только второй совокупностью исторического знания — личным, общественным и временными факторами, их конstellацией.

Давайте посмотрим, как эта система «работает».

Исторические факты и личный опыт историка

Перед историком расположены две группы элементов, которые можно было бы для удобства назвать «множествами» без какофонии претензии на математизацию или формализацию изложения. Одно множество — это совокупность фактов прошлого, еще не выделенных из источника, которые еще предстоит выделить. Второе множество — это личный, общественный и временной опыт историка, с помощью которого он производит работу по отбору и систематизации фактов, заключенных в источнике. Источник не выдает факты автоматически, — хотя бы потому, что количество этих фактов несравнимо больше, чем в состоянии удержать любая человеческая память (и, пожалуй, любая компьютерная). Отбор фактов — необходимость. Конечно, мы все согласны, что отбирать факты надо по их важности, отбирать надо наиболее существенные факты. И тут мы снова сталкиваемся с неясностью банаального определения: что значит «наиболее существенные» факты? До какого-то времени наиболее существенными фактами считались те, которые относились к деятельности королей или, в крайнем случае, герцогов, а при специально конфессиональном подходе — пап, патриархов и епископов. Потом пришло время, когда мятежники, ересиархи, а то и просто разбойники приобрели в глазах историков больший вес, чем короли и епископы. Было время, когда история разворачивалась как сфера деятельности мужчин, которым в крайнем случае разрешалось влюбляться в женщин, похищать их или даже насиливать. Сейчас это называется сексистским подходом: вслед за разбойником и ересиархом женщина была торжественно реабилитирована. Ни историки королей и епископов, ни историки разбойников и женщин не выдумывают фактов (мы принимаем как данное, что все историки порядочные люди), но их право — обойти одни факты и накапливать другие. Я не говорю, «то или другое дурно», я говорю «то или другое связано с убеждениями и временем».

То же самое относится к расположению фактов: рассказывая об истории церкви, можно сделать упор на инквизиции, а можно — на тихой богословской работе благочестивых монахов. Речь идет о нюансировке — отнюдь не о выдумывании несуществующих фактов! Но прошлое так богато нюансами, что всегда можно подчеркнуть одно или другое.

И тут мы подходим к парадоксу. Историк, который пускается в странствие по времени, ставит своей задачей (осознанно или

нет) найти подходы к пониманию современности, а на практике оказывается, что современность в очень большой степени определяет его понимание прошлого, его отбор фактов и расположение их. Противоречие? Думаю, что нет.

Перед нами очень сложный процесс, идущий, если так можно выразиться, в двух направлениях. Повторяю еще раз, я отбрасываю в сторону случаи простой спекуляции на прошлом, случаи политика и сознательного искажения настоящего и прошлого вместе и порознь. Я говорю о честной работе историка. Он подходит к источнику уже вооруженный определенными философскими, религиозными, политическими, социальными, национальными предпосылками, владеющий какой-то моделью своего будущего исследования. Эта модель входит в соприкосновение с фактами, мало-момалу извлекаемыми из источника. И тут вступает в силу — я опять обращаюсь к термину, почерпнутому из арсенала других наук — обратная связь. Факты могут корректировать модель и могут ей противоречить. Столкнувшись с фактами, историк пересматривает, перекрывает свою модель, иными словами, пересматривает свое понимание современности. Накопление новых фактов, открытие новых источников может иметь колossalное влияние на формирование личности историка, на его переоценку современных ценностей.

В советской исторической науке вскоре после смерти Сталина и начала известной либерализации произошел очень существенный поворот. Ведущие советские историки тридцатых и сороковых годов занимались преимущественно аграрной историей, во всяком случае, применительно к средним векам. Они ввели в оборот массу новых фактов и привлекли внимание к ряду явлений, остававшихся до этого в тени. Что касается средневековой культуры, то сделано было крайне мало, почти ничего. Только Ренессанс был в поле зрения, феодальная

культура высокомерно отвергалась. С конца пятидесятых годов советские медиевисты решительно повернули к изучению средневековой культуры — как народной культуры, так и богословского мышления. Можно было бы сказать, что произошла либерализация, христианство — во всяком случае, в его прошлом — получило известное признание, стало «можно» говорить о средневековой культуре (христианской в ее сущности или, во всяком случае, в ее внешности) не только как о средстве оглупления и эксплуатации народных масс. Это верно — но верно только частично. Чтобы понять суть дела, мы должны посмотреть на развитие западной медиевистики, которая в каком-то смысле проделала обратный путь от принятия преобладающей роли духовных и личных факторов в развитии средневековья к признанию по меньшей мере равнозначного влияния факторов материальной жизни. Кардинальная перемена — и без всякой связи с либерализацией общества.

В конечном счете, оба процесса имели одну, общую причину. Обе позиции были односторонними. Советский подход подчеркивал

материальную сторону средневековой жизни в ущерб духовной, западные историки подчеркивали духовные факторы в ущерб материальным. И наступил момент, когда сработала обратная связь: факты взбунтовались против априорных моделей! Создание истинно нового в науке очень часто начинается с противоречия между фактом и предшествующей факту идеей или моделью. Факты перестают умещаться в схему, схема перестает функционировать. Оказалось, что ни духовная жизнь в изоляции от материальной, ни материальная жизнь в изоляции от духовного мира не дают полной и всесторонней картины средневековья. Западные медиевисты должны были впустить будничные обстоятельства в свои высокие конструкции, советские исследователи не могли больше объяснять даже аграрные отношения без учета того, что средневековые крестьяне думали о своей земле и о своих обязательствах. Универсальный подход к прошлому, целостное восприятие культуры средневековья было вызвано к жизни не только философскими и социальными сдвигами в обществе, но и «бунтом источника» — ощущением, что ни одно одностороннее объяснение не создает картины, адекватной накопленной сумме фактов.

Разумеется, и среди честных историков есть глухие. Есть люди, не слышащие ни пульса времени, ни стонов насилия и источника. Может быть, их даже большинство — как посчитать? Когда византийский император Василий II одержал победу над болгарами, он приказал ослепить почти всех пленных, оставив только несколько кривых, чтобы отвести несчастных домой. Кривых было меньшинство, но все-таки это они находили дорогу; хотя и лишенные одного глаза, они видели лучше слепых.

(Окончание в следующем номере.)

Почти что юмор

От чаевых до взятки

(ИЗ «ЗАМЕТОК ТАКСИСТА Н.»)

«свои» контролеры в аэропортах, а у «вокзальщиков» — на вокзалах...

— Таксисты раздают рубли или мелочь мастерам ремзоны, рубли или мелочь — работникам зоны ТО-2 и ТО-1. В конце смены и диспетчеры, и «вратари» (так зовут диспетчеров на воротах), и мастера ОТК обеспокоены тем, чтобы не таскать тяжелое серебро и медяки в карманах, и обменивают их у водителей на червонцы. Кое-кто должностью повыше берет деньги за выходной, который дают тебе с последующей отработкой, берет за прогул, чтобы за тобой он не числился. В отделе безопасности движения берут за открытки и письма, поступив-

шие от Госавтоинспекции. Контролеры берут просто так, чтобы не расслаблялись. Пусть меня простят, если я кого-то пропустил.

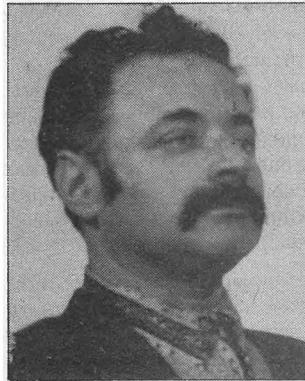
Примечание отдела социально-бытовых проблем «ЛГ».

Редакции известно полное имя, отчество и фамилия автора. С ним немало беседовали, и он вызывал доверие, хотя описанное проверить трудно. И мы решили опубликовать письмо таксиста, не указывая имени автора, номера парка и города. Может быть, злосчастный парк — исключение? Мы обращаемся с этим вопросом к читателям — пассажирам такси и к читателям таксистам.

(Литературная газета, 26 января 1983 г.)

Григорий Рыскин

Григорий Исаакович Рыскин — педагог и журналист. Был учителем средней школы в Ленинграде, печатался в газетах и журналах по вопросам народного образования. С 1978 года живет в США.

Ликвидация педологии

Иной раз случай становится поводом к значительному событию. Ненастным петербургским вечером некая женщина несла в приют своего младенца. Иные говорят, она попросту шла к Неве, чтобы его утопить. По дороге она повстречала купца и мецената Зимина, тот выкупил мальчика у нее. Нанял квартиру, приставил к ребенку прислугу, кормилицу, врача. Обратился за помощью к В.М. Бехтереву в «Общество нормальной и патологической психологии». Так в 1909 году было заложено начало интерната «для изучения человека как предмета воспитания», ставшего затем основой первого в мире специального интерната раннего детства при Психоневрологическом институте, директором которого был Бехтерев.

Бехтеревский институт

Но в атмосфере тех лет такое развитие событий вовсе не было случайным. То был серебряный век русской педагогики. Россия могла бы стать педагогической Меккой, ибо именно здесь зарождалась в начале века подлинно научная педагогика. Книга В.М. Бехтерева «Объективная психология» (1904) была немедленно переведена американцами, многие идеи великого ученого стали определяющими для всего двадцатого столетия и, прежде всего, комплексный подход к личности и ее развитию:

«Познать человека в его высших проявлениях ума, чувства и воли, в его идеалах истины, добра и красоты для того, чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого, познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа, познать юношу в его стремлении к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов, познать сердце человека в его порывах любви, чтобы направить эту любовь на все человечество, познать обездоленного, бедняка, толкаемого судьбой на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем улучшения его быта и перевоспитания, познать и изучить душевнобольного, чтобы облегчить его страдания и где можно излечить — не

значит ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашей общественной жизни»¹, — писал Бехтерев.

Ключевое слово в этой цитате — познать. Этой цели будет служить созданный Бехтеревым в 1908 году за Невской заставой психоневрологический институт. Педагогике предстоит, наконец, стать наукой. Наука же «должна открывать и говорить только истины; а никакая истину не может быть настоящей, если она искусственно подтягивается под какую-то систему, под какой-либо раз данный шаблон или заранее имеет определенное предназначение»².

В бехтеревском институте среди прочих отделов — криминально-антропологического, физиолого-химического, клинического, — существовал и отдел педологии. Но еще в 1908 году ученый высказал мысль о необходимости специального педологического института. Задача этого научного центра — разработать учение о личности, без которого не может быть подлинного воспитания, создать «целостное учение о ребенке».

Таинственная смерть Бехтерева. Рассказывают, будто накануне ее ученый был вызван в Кремль, к Сталину. Проведя некоторое время наедине с вождем, он вышел и стал выписывать в приемной рецепт.

— Каков диагноз? — спросили соратники.

— Типичная паранойя, — был ответ.

В тот же вечер в московской гостинице Бехтерев якобы отравился мясными консервами. Ночью его не стало. Было это в 1927 году.

У этого предания несколько вариантов. Легенда не подтверждена, но глухая смерть великого ученого вполне в духе времени. Сохранились кинокадры: цинковый гроб, урана с консервированным мозгом. Гроб проносят из столицы в Ленинград.

Но созданная Бехтеревым молодая педагогическая наука еще жива. Проводятся обследования детей в школах и дошкольных учреждениях, широкое тестирование учащихся. Выходит журнал «Педология».

Педология

Вот как определяется в нем сущность учения о воспитании: «Педология — это наука, объединяющая в себе, в диалектически целостном плане, все процессы изучения дет-

ского развития, все изучение ребенка (психологическое, физиологическое, психотехническое и т.д.) в единую педологическую систему. ... В педологии единый материал о ребенке служит для правильной организации педагогического процесса, который тоже не раздроблен, а един»³.

Педагогики в чистом виде не существует, — утверждали педологи, она наука комплексная, основанная на данных генетики, физиологии, психиатрии. Но прежде всего, в основе педагогики должна лежать педагогическая психология. Именно поэтому, по мнению педологов, люди, называющие себя педагогами, таковыми на деле не являются, а педагогика на данном ее уровне не наука; а мистификация. Настоящий педагог — это специалист, профессионально изучивший особенности данной, конкретной личности и на этой основе управляющий процессом воспитания.

Об этом писала и Н.К. Крупская, в те годы заместитель наркома просвещения: «Сталкиваясь со многими педагогами, убеждаешься, что они осознают необходимость поставить дело научно, на основе знания ребенка, осознают непригодность того эмпиризма, который у нас сплошь и рядом процветает. На каждом шагу чувствуешь, что нет педологической базы, нет знания ребенка, и прямо хочется криком кричать: где же педология?»⁴.

К делегатам Первого всесоюзного съезда по педологии, который состоялся в 1928 году, обратились с приветствием Бухарин и Луначарский. На первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека в 1930 году о педологии говорили как о науке, изучающей трансформацию функции детского организма в условиях его роста.

Принцип педологии — идти от природы ребенка, ничего не навязывая ей; а лишь следуя ее законам, — особенно четко сформулирован в статье о школьной мебели, опубликованной в журнале «Педология»: «Классная парты в современной школе еще не перестала быть тем прокрустовым ложем, в которое должен уложиться растущий, формирующийся ребенок, хотя бы ценой травмы, ценой своего здоровья...»

Подавляющее большинство детей пригибаются именно к парте, а нужно, чтобы мебель пригонялась к ребенку»⁵.

«Народовская» парты становятся как

бы символом народа, который втихомодействует живую природу ребенка в жесткую схему официальной концепции.

Возможно, ученые, называвшие себя педагогами, в чем-то заблуждались; возможно, методика их научных обследований содержала ошибки, неизбежные в любом научном поиске; одно несомненно — они стремились к подлинно научному познанию ребенка; вне каких бы то ни было схем и догм.

Но это никоим образом не соответствовало политической установке партии, утверждавшей прямолинейный классовый подход. Начало 30-х годов стало началом похода против педагогии. В 1932 году закрывается журнал «Педология». Нарком просвещения А.Бубнов клеймит «зарвавшихся лжеученых», которые «не поняли простой для каждого большевика вещи, а именно, что за каждой идеей стоит определенный класс».

Прелюдией к разгрому педагогии стала книга И.Ф. Овадковского «Методологические основы марксистско-ленинской педагогики». Развивая и углубляя методическую установку наркома, автор прямо приравнивает теоретические ошибки в педагогике к ошибкам политическим, которые, разумеется, влекут за собой «ослабление пролетариата в его классовой борьбе» и «усиление его классового врага»⁶.

Педагогика объявляется «наукой о коммунистическом воспитании трудящихся». Перед школой ставится задача «преодоления пережитков капитализма в сознании советских людей и превращения их в идейно убежденных активных строителей социализма».

Отныне человек должен формироваться по единому образцу, заданному партией. Народное образование мыслится в виде поточного производства «стойких, целестремленных строителей» коммунизма. Одно за другим выходят постановления «О начальной и средней школе» (25 авг. 1931 г.), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 авг. 1932 г.) и, наконец, добившееся остатки педагогии «О педагогических извращениях в системе наркомпросов» (4 июля 1936 г.). Смысл всех постановлений — обеспечить «коммунистически выдержанное воспитание учащихся».

На страницах теоретического органа партии, журнала «Под знаменем марксизма» учинается разгром тех, чьи взгляды на задачи школы и педагогики не соответствовали официальным. «Профессор Блонскийшел от реакционной и идеалистической философии — это раз. Затем он шел от буржуазной педагогики — это два. В первые годы советской власти он в своих книгах и брошюрах проповедовал религиозное воспитание», ⁷ — перечисляет грехи видногоченого наркома Бубнов. Все это говорилось о крупнейшем педагоге, психологе, историке философии, в 1919 году создавшем Академию социального воспитания в Москве, выдвинувшем теорию трудовой народной школы. А генетическая теория памяти, разработанная Павлом Петровичем Блонским, не утратила своего значения и до сих пор.

В средние века в Европе существовали тайные сообщества компрачикосов. Они похищали детей и формировали из них уродов. Методика была жестокой и примитивной: ребенка помещали в уродливую железную форму, подавливая плоть врастала в железо. Уродов продавали владельцам бродячих цирков, поставляли королевским дворам — в качестве придворных шутов.

Сталин стремился поместить в стальную форму официальной идеологии человеческий дух. Именно от этого предсторегали великие мыслители и педагоги прошлого.

«Мне не хочется доказывать то, что я не раз доказывал, и то, что слишком легко доказать, — писал Л.Н. Толстой, — что воспитание, как умышленное формирование детей по известным образцам не плодотворно, не законно и не возможно.»

Познать человека.

Примитивный подход к человеческой личности был следствием вульгарно воспринятого тезиса Маркса о человеке, который есть «совокупность общественных отношений». Суть всего сталинского эксперимента — насилие над человеческой личностью, ее отрицание.

К середине 30-х годов зарождавшаяся психологизированная наука о воспитании была сокрушена; а представлявшие ее учеными сошли со сцены. Образовался вакуум. Требовался кандидат на вакантное место классика новой марксистско-ленинской педагогики, которая формирует мировоззрение ребенка по шаблонам официальной идеологии, воспитывает человека, беззаботно преданного партии и вождю. Сознание ребенка подконтрольно и мелочно регламентировано, его готовят к жизни в условиях диктатуры. Это педагогика безличностная и антиличностная. Отсутствие уважения к личности — вот наиболее характерная черта «науки о коммунистическом воспитании». Социальный заказ на новую педагогику был блестяще выполнен А.С. Макаренко.

«Большинство новаторов в педагогике, — писал известный французский педагог Л.Легран, — были данниками идеологии; а педагогические доктрины вплоть до наших дней исходят явно или бессознательно из политических соображений. Поэтому их оспаривают со всех сторон.»

Споры вокруг «педагогического наследия» Макаренко не утихают и сегодня. Научная ценность «наследия» весьма сомнительна. Талантливый педагог и организатор был слепым данником идеологии и, в сущности, фигурантом трагической.

В годы «оттепели» были реабилитированы миллионы, погибшие в лагерях, восстанов-

лены в правах «буржуазные лженауки» кибернетика и генетика. Но за другими делами Н.Хрущев забыл реабилитировать науку о ребенке.

Правда, пришлось признать, что «в ходе критики педагогии и ее представителей имели место и не всегда верные и объективные оценки трудов и идей некоторых видных деятелей советской педагогики и психологии. Это, например, проявилось особенно отчетливо по отношению к таким талантливым ученым, как Выготский и Блонский. Целый ряд их плодотворных идей, положений исследовательских работ, в пылу полемики, в накаленной атмосфере острой критики получили неверную интерпретацию, допущенные ими ранее ошибки преувеличивались и порой выдавались за систему взглядов» ⁸. Но в целом ликвидация «науки о ребенке» признается справедливой. Особо подчеркиваются заслуги наркома А. Бубнова, в своих «принципиальных, партийных» выступлениях, «хороши аргументированных в научно-педагогическом плане», разоблачившего буржуазные влияния в педагогии, убедительно показавшего, что «источником идей педагогов были pragmatические теории и практика американской буржуазной педагогики в лице таких ее представителей, как У.Килпатрик, чья педагогическая философия явилась отражением американского образа жизни и характерного для него беспринципного делячества, антинаучные и антидемократические концепции главы буржуазной педагогии С.Холла, который в интересах господства эксплуататорских классов стремился доказать, что право на образование могут пользоваться лишь избранные из среды богатых классов»⁹.

Это написано в 1977-м году. Изменилось ли что-нибудь на педагогическом фронте? Не изменилось и не могло измениться. Поэтому что осталась незаинтересованность в создании «науки о ребенке», в подлинном развитии человеческой личности. ■

1. Цитируется по книге И.Губермана «Бехтерев» «Знание». М.1977, стр. 11.

2. Там же. стр. 103.

3. «Педология» №7/24 1932, стр. 97.

4. Указ. соч. №4/24 1932, стр. 103.

5. И.Н. Дашко. Скалиозы у школьников и проблемы школьной мебели. «Педология» №2/24 1930, стр. 83-86.

6. Свадковский Ф. Методологические основы марксистско-ленинской педагогики. М.1931, стр. 4.

7. А.Бубнов. Ответ педагогам. «Под знаменем марксизма», №10 1930, стр. 34.

8. З.И. Равкин. «Борьба с антимарксистскими концепциями в советской педагогике» (1931-1937), журнал «Советская педагогика» №77/8, стр. 114.

9. Там же.

Елена Гессен

Елена Гессен — переводчик и литературный критик. Ее статьи посвящены проблемам современной советской и зарубежной литературы. С 1981 года живет в США.

Феномен Вампилова

В 1982 году исполнилось десять лет со дня смерти самого популярного сегодня советского драматурга Александра Вампилова. Впрочем, человек, утонувший летом 1972 года в Байкале, известным драматургом не был: слава его оказалась посмертной, что в общем не слишком удивительно для советского писателя. Но вот с вампиловской драматургией произошли вещи и в самом деле удивительные: по наблюдению советского театролова К. Рудницкого, подобного успеха не знал ни один серьезный советский драматург. Дошло до того, что из-за скучности творческого наследия — а Вампилов написал всего четыре многоактные и три одноактные пьесы — на сцене появились даже его черновые наброски и неоконченная пьеса. И это после многолетней борьбы автора за право своего творчества на существование, борьбы, в которой он преуспел не слишком, особенно сравнительно с его посмертными достижениями. То, что происходит сегодня в советском театре, можно смело назвать «бумом Вампилова». В чем его истоки? Бессспорно, Вампилов — драматург, что называется, милостью Божьей, блестящий мастер театральной интриги, он необычайно изобретателен, его пьесы парадоксальны и остроумны. Но одними литературными причинами его успех не объяснишь.

Появление НОВОГО героя

Секрет, скорее, в другом. Вампилов сделал в драматургии то же, что Юрий Трифонов — в прозе: вывел на сцену нового героя, точно угаданного в жизни, в социально-общественной атмосфере конца шестидесятых — начала семидесятых годов, героя пассивного, бездеятельного, живущего по инерции, бесконечно недовольного своей жизнью и не скрывающего этого недовольства, но не умеющего, а часто и не желающего изменить что-либо в себе или вокруг себя.

Герои Вампилова оказались настолько непривычны для советской драматургии, что критики долго ломали головы: в какую же рубрику их занести? Одна статья так и называлась: «Герои Вампилова — праведники или грешники?». Правда, не исключено, что критики были не до конца искренни и просто играли в некую принятую в советском литературоведении игру. Когда аналогичный ге-

рой, неприкаянный, разочарованный, уставший от жизни и отрицающий общепринятые добродетели и нравственные абсолюты, и при том — славный малый, появляется в произведении западного писателя, советские критики пишут о нем как о порождении насквозь прогнившего капиталистического мира, основанного на потреблении и бездуховности, рассуждают об «отчуждении», «некоммуникабельности», об «одиночестве чистой души в мире наживы и чистогана». Если же такой герой чудом проникает в советскую литературу, его свойства выдаются за побочные последствия эпохи научно-технической революции, «эры НТР», которая якобы лишает отношения между людьми подлинной человечности и теплоты, придавая им оттенок механичности. В случае с Вампиловым нелепость подобной трактовки очевидна: достижения «эры НТР» невероятно далеки от вампиловской провинции, где даже квартира с обычными благами цивилизации кажется едва ли не чудом. И не праведники его герои, и не грешники, а самые простые советские люди, интеллигенты средней руки и средней зарплаты, в меру замордованные обстоятельствами, в меру научившиеся к ним приспособливаться и в их пределах кое-как изворачиваться, изредка сублимирующиеся в развлечениях типа по-поек либо (что, разумеется, куда лучше) утной охоты.

Но писать о Вампилове и в самом деле трудно — и не только потому, что его герои люди далеко не однозначные и зачастую не предсказуемые, и даже сам драматург иной раз отказывается проникать в глубины их психологии. «Утиная охота», например, кончается приступом то ли смеха, то ли плача у героя: «плачут он или смеются, понять невозможно», — замечает Вампилов. Между тем этот нерасшифрованный приступ играет в пьесе роль катарсиса, но «плакал он или смеялся, — по его лицу мы так и не поймем». Такие вещи, разумеется, осложняют задачу критика, но еще больше затрудняет ее то, что порой невозможно разобрать, где кончается Вампилов и начинается цензура. Как всякий советский писатель, мечтающий видеть свою книгу напечатанной (или свою пьесу — поставленной), драматург был вынужден идти на всяческие уступки — от мелких до крупных. И то, что у каждой пьесы Вампилова несколько редакций, объясняется не только требовательностью драматурга

к себе, но и требованиями внутренней и внешней цензуры. Рассмотреть все напластования, не имея черновиков, невозможно, но известно, например, что первая редакция пьесы «Прошлым летом в Чулымске» заканчивалась самоубийством героини, прелестной юной девушки, полной жизни и света, которую изнасиловал влюбленный в нее парень, уверенный, что сила может все. Чтобы «протолкнуть» пьесу, автору пришлось пришептать значительно более оптимистический и значительно менее отвечающий стилистике драмы и логике действия конец. Но и в имеющихся редакциях вампиловские пьесы дают достаточно пищи для размышления читателю, умеющему читать, и зрителю, умеющему смотреть, — а у советского интеллигента этот навык поневоле развит.

«Все до лампочки»

В облике своих героев Вампилов прежде всего подчеркивает нарочитую небрежность, неряшливость в одежде, рассеянность в манере держаться — очевидно, это должно отражать их душевную опустошенность и нравственную опущенность. Полнейшая пассивность, возведенная даже в некий принцип — «все до лампочки», «наплевизм» ко всему, включая собственную судьбу, «общественный индифферентизм, упавший почти до нуля» (по точному замечанию критика Майи Туровской) и «намного ниже нуля» (по уточнению К. Рудницкого) — вот принятый ими «modus vivendi». Жизнь их лишена какого бы то ни было смысла, ничего им не светит и ничего они не хотят. Точнее, по свойственной им способности разрушения, направленной более всего вовнутрь, в собственное существование (хотя людям, с ними соприкасающимся, от этой способности тоже не сладко), их желания, если они и есть, чисто негативны. «Я ничего не хочу. Абсолютно ничего. Единственное мое желание — это чтобы меня оставили в покое», — заявляет Шаманов («Прошлым летом в Чулымске»). А его «хочу на пенсию!», странновато звучащее в устах тридцатилетнего человека, попросту становится рефреном пьесы. Вместо друзей у вампиловских героев со-

бутыльники, вместо любимых — партнерши (а если вдруг и появляются настоящие, преданные женщины, они отталкивают их пустотой души. «Если у меня чего-то нет, — говорит Шаманов, — значит, нет. Нельзя же в самом деле требовать от меня того, чего у меня нет»). В концентрированном виде их жизненная позиция предстает в монологе Зилова («Утиная охота»): «Мне безразлично все на свете... Что со мной делается, я не знаю. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины? Да, они были, но зачем? Они мне не нужны... А что еще? Работа моя, что ли? Боже мой! Кстати, это кredo «наплевизма» — единственное место в пьесе, где перед словами Зилова стоит ремарка «искренне и страстно». Разумеется, ни по воспитанию, ни по раскладу обстоятельств герои Вампилова не могут быть верующими, но драматург специально подчеркивает у них отсутствие веры, словно бы лишая их и этой нравственной основы: в «Утиной охоте» дважды всплывает образ церкви, превращенный в планетарий — символ поруганной и преданной веры, и пьяный Зилов, только что с оскорблением выгнавший влюбленную в него девушку, кричит: «Где моя невеста? Верните ее! Мы обвенчаемся в планетарии!»

Представления вампиловских героев об окружающей их действительности пронизаны глубочайшим пессимизмом, они не верят ни в людей, с которыми их сталкивает жизнь (и чаще всего оказываются правы), ни в моральные и нравственные устои самой этой жизни. «Добиваться справедливости — не хорошо и не плохо. Это безумие», — симптоматично, что эти слова вложены в уста Шаманова, следователя по профессии. И он же: «Биться головой об стену — пусть этим занимаются другие. Кто помоложе и у кого черепок покрепче.» Речь, опять же, о поисках справедливости.

ПРОВИНЦИЯ СТРАШНА НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ...

Впрочем, действительность, в которой живут герои Вампилова, никаких поводов для более радужного ее восприятия не дает. Попе действия всех пьес — Сибирь (Вампилов был сибиряком), но не та героическая Сибирь новостроек и комсомольцев-добровольцев, что канонизирована официальной литературой, и не та потрясающая душу Сибирь, что возникает в неподцензурной «лагерной» литературе. Это Сибирь провинциальная. «Таежный райцентр», «предместье», «провинциальная гостиница» — вот адреса вампиловских героев. «Провинция страшна неопределенностью и располагает к мнительности», — писал Вампилов в одном из писем. Провинция в его изображении не утратила ни одной из черт, запечатленных в литературе XIX века. Та же пошлость, тот же застой, та же неподвижность «уездной, русской, обывательской жизни» (Чехов). «Какое здесь жить? — восклицает вампиловская героиня. — Добра-то в нашем Чулимске. Куда ни

повернись — тайга в любую сторону, на сотни верст. Другой раз как подумаешь — душно делается». И так же, как когда-то, нелепо, трудно и несправедливо складываются судьбы людей, живущих в этом тесном захолустном мире. Весь городок знает, что буфетчица Хороших вынуждена годами сносить попреки мужа: не дождалась его из лагеря, где он отсидел после немецкого плена (сказано об этом глухо, но внятно: «был на Севере»), родила неизвестно от кого мальчишку. Старый эвенк, всю жизнь водивший по тайге геологов, не имеет права на пенсию, поскольку не озабочился вовремя обзавестись справками. Что же до интеллектуальной атмосферы подобных мест, то — «в этом городе никто, кроме старух и вундеркиндлов, не посещает концертов. А интеллигентные люди, вместо того, чтобы заботиться о культуре, пьют водку и стараются во что бы то ни стало удивить белый свет» («Двадцать минут с ангелом»).

ЖИЗНЬ ГЕРОЕВ ВАМПИЛОВА ЛИШЕНА КАКОГО БЫ ТО НИ БЫЛО СМЫСЛА.

Впрочем, есть у Вампилова категория героев, которые и в этом захолустье живут так, «как положено». Это люди сильные, деловые, уверенные в себе, произносящие нужные и правильные слова. В масштабах провинции — они сильные мира сего, хозяева жизни. Они многое могут: например, выбрать квартиру для своего подчиненного (у них есть «рука» где надо) и держать в вечном страхе другого — то ли выбьет и для него тоже, то ли нет, — и потому обладать вполне конкретной властью над его душой и даже над его семейной жизнью («Утиная охота»). Они могут выигнать из института талантливого студента, придаввшись к пустячному поводу, «чтоб не умничал», а потом попытаться купить его за диплом и обещание аспирантуры («Прощание в июне»). Они говорят о Шаманове: «он далеко бы пошел, если бы не свалял дурака» — то есть не попытался добиться справедливого, «как для всех», возмездия для начальнического сыночка, задавившего человека («Прошлым летом в Чулимске»). Но вот что интересно: всеми их поступками движет страх. Ректор боится, что студенты и профессора поймут, что никакой он не учений, а просто администратор. Начальник Зилова боится, что его подчиненные разгадают за начальническим апломбом неуверенность и некомпетентность. Директор гостиницы боится перестать быть директором — а больше он в жизни ничего не умеет, только директорствовать («Случай с метранпажем»). И все вместе дружно боятся потерять свои начальнические привилегии, стать «как все» и потому дергаются, нервничают, совершают дурацкие и неадекватные поступки и, по сути де-

ла, глубоко несчастны и страдают от комплекса неполноценности. Единственный же совершенно счастливый и вполне полноценный человек в вампиловских пьесах — это официант Дима из «Утиной охоты». Дима безупречен во всем: он держится «с преувеличенным достоинством», он говорит четкими и скучными фразами, он в меру ироничен и точно помнит, что лучший друг должен ему не 3 рубля, а 3.20, и спокойно принимает чаевые от этого друга. Он из тех людей, что твердо знают, чего хотят в жизни, и четко и спокойно идут к цели — несмотря ни на что. Он, в общем, тоже «наплевист», но с обратным знаком, зеркальное отражение. Если настоящие вампиловские «наплевисты» мучатся и стараются от своей опустошенности и, скорее всего, от нее в итоге и гибнут, то для Димы «наплевизм» — единственно возможный способ получить от жизни все, что только можно и нужно. Разница между ним и Зиловым выражена драматургом метафорически: оба страстные охотники, но Зилов может, потому что нервничает и суетится, а Дима на охоте — «зверь», «гигант», «полсотни метров влет — глухо». А все потому, что для Зилова утки, летящие в небе, живые, а для Димы они — уже мертвые. Вампилов точно знает: мир, в котором во множестве будут жить и действовать, говорить речи и стрелять в уток подобные Димы, будет выглядеть страшновато. Знает и убеждает в этом читателя.

Ненависть К доброте

По свойственной Вампилову страсти к парадоксам, самая пессимистичная и безысходная его пьеса обозначена как «анекдот» («Двадцать минут с ангелом»). В этом «анекдоте» лишь один из шести героев обнаруживает терпимость к неординарности чужого мышления, в то время как у прочих персонажей эта самая неординарность вызывает не просто непонимание и осуждение, но едва ли не звериную озлобленность. Дело даже не в цифровых пропорциях, а в том, что этот единственный человек — юная девушка, «не знающая жизни», тогда как все остальные — люди зрелые и жизнь знающие. Третье слово в этой пьесе — после слов «Подъем» и «С добрым утром» — «выпить», и оно определяет тональность и сюжет «анекдота». Двое командировочных, шофер и экспедитор, «добывающий унитазы для родного города», озабочены жизненно важной проблемой: где достать трешку на опохмелку? Соседи по захолустной гостинице — чета молодоженов и скрипач Базильский — деньги дать категорически отказываются, уборщица, собирающая «по копейке», чтобы «одеть внучку», в ужасе: «что люди с деньгами делаю!» И вот в пылу чисто теоретического спора насчет того, есть ли на свете добрые люди, один из пьяниц, в доказательство, что таковых нет, кричит в окно: «Люди добрые! Кто даст взаймы сто рублей?» Через несколько минут в номере появляется незнакомец, кладет на стол деньги и собирается уйти. Ситуация яв-

но неправдоподобная, но очень характерная для Вампилова: слово в поэтике его театра играет роль чрезвычайную. Оно — основа самых причудливых поворотов сюжета, оно взрывоопасно и в буквальном смысле превращается в действие. Причем слова бросаются невзначай, никто в них не верит, смысл их за долгим употреблениемстерся, а повседневная риторика приучила людей и во все не придавать никакого значения тому, что они произносят. Поэтому и герои пьесы не намерены верить незнакомцу, убеждающему их, что «всем нам, смертным, бывает нелегко, и мы должны помогать друг другу». Они-то знают: доброта не бывает бескорыстной. За поступком незнакомца им чудится сначала психическая ненормальность, потом — попытка завербовать их на какие-то работы, потом они решают, что деньги краденые, и наконец, привязывают «ангела» к стулу и, призвав соседей, начинают дознание. И эти люди, только что глубоко превратившие и гнавшие от себя забулдыг, теперь выступают с ними единым фронтом: «Такую штуку может выкинуть только аферист, пройдоха, заведомо несерьезный человек. Словом, жулик». А мягкий, интеллигентный скрипач бросает человеку, привязанному к стулу: «Маньяк! Уж не воображаете ли вы себя Иисусом Христом?» Психология коллективного рассуждения, ведущего к коллективному осуждению, физиология стад-

ности, пробуждающей в людях самые темные стороны, показана Вампиловым превосходно. Вина «ангела» растет с каждой минутой, пропорционально раздражению, которое вызывает его странный поступок. И вот уже: «Он провокатор! Он всех нас оскорбил! Оклеветал! Наплевал нам в лицо! Его надо изолировать! Немедленно!» И усталый «ангел» наконец сдается: «Вы меня убедили, вы можете сделать со мной что угодно...» Самое же печальное, что доморощенные следователи оказались не так уж неправы: деньги даны не просто так, это нечто вроде моральной контрибуции. Шесть лет доброта не видел свою мать, шесть лет собираясь послать ей деньги, и вот она умерла, а деньги он решил отдать первому, кто в них будет нуждаться. Как только ситуация проясняется, всем становитсястыдно: «Это было что-то ужасное, наваждение какое-то...» «мы одичали, совсем одичали...» Анекдот? Быть может. Но анекдот скверный.

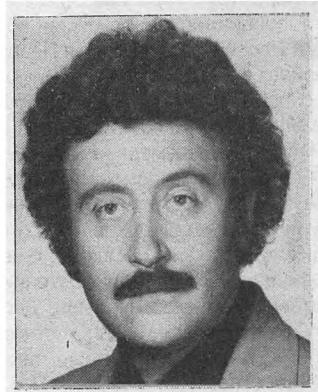
Но как все-таки вампиловским пьесам удалось пробиться на сцену? Тут перед нами вновь вполне характерный для советской литературной действительности курьез, когда явление, по сути своей негативное, дает весьма позитивные плоды. «Феномену Вампилова» немало способствовали критики, обнаружившие у автора то, чего у него и не было, и быть не могло: «утверждение чистоты помыслов и поступков», а также «вы-

соких нравственных принципов современного героя», «гражданский пафос творчества драматурга, постоянно ставившего героев перед поиском своей личной необходимости людям и обществу» и т. д. и т. п. Врожденная или благоприобретенная глухота критики дала Майе Турковской повод ядовито бросить в адрес своих собратьев: «Загадочный театр Вампилова делает грубое несовпадение того, что пишут о нем, с тем впечатлением, которое производит на читателя его театр сам по себе». Речь идет именно о читателе, потому что над зрителем и вовсе можно куражиться как угодно: а режиссерская выдумка на что? Но и по этому поводу тоже кое-что сказано: в одном из недавних номеров «Литературной газеты» в дискуссии о современном театре и его отношении к «новой драматургии» драматург Эдуард Радзинский замечает: «Надо быть очень прозорливым, чтобы увидеть Вампилова в спектаклях, поставленных в московских театрах по самой сложной его пьесе — "Утиная охота"».

И все же — когда начинается вечер и у московских и ленинградских театров образуются толпы ищущих «лишний билетик», ис достоинством проходят мимо обладатели билетов, люди идут смотреть вампиловские пьесы. Идут смотреть самих себя, узнавать на сцене собственную жизнь, возмущаться собственными слабостями и находить оправдание собственным недостаткам.

Джозеф Д. Двайер

Джозеф Д. Двайер — заместитель куратора коллекции материалов по Советскому Союзу и Восточной Европе Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета (Калифорния, США).

новным регионам — Северная Америка, Латинская Америка, Центральная и Западная Европа, Африка и Ближний Восток, Восточная Азия, Россия/Советский Союз и Восточная Европа — ее фонд насчитывает около 1,5 миллионов томов книг, около 25 тысяч названий периодических изданий и подшивки около 6 тысяч названий газет. Фонд библиотеки состоит не только из книг и периодических изданий, но и изданий-однодневок (брошюры, листовки, плакаты), которые очень важны для понимания политических движений, однако сохраняются, тем не менее, редко.

Архивы Гуверовского института — одно из самых крупных частных хранилищ в Соединенных Штатах. В них содержится более 4 тысяч собраний (около тысячи касаются ис-

Гуверовский институт войны, революции и мира

Гуверовский институт войны, революции и мира был основан в 1919 году Гербертом Гувером для сбора и хранения исторических материалов о Первой мировой войне. С тех пор он стал ведущим международным центром документации и исследования экономических, социальных, экономических и политических изменений в XX столетии. Цель Института — обслуживать ученых всего мира, способствовать распространению знания и понимания факторов, которые укрепляют мирное сотрудничество между народами и

отдельными людьми, и анализировать условия, в которых возникают революции и войны.

Как были собраны фонды библиотеки

Всемирно известная библиотека Института располагает коллекциями по шести ос-

ключительно Восточной Европы и Советского Союза), личных бумаг и документов организаций, в том числе такие редкие и ценные материалы, как парижские картотеки царской тайной полиции, бумаги многих белых генералов — участников гражданской войны, документы Лондонского правительства Польши в изгнании во время Второй мировой войны и бумаги Бориса Николаевского, лидера меньшевиков.

Сбор русских и восточноевропейских материалов начался в 1919 году, когда профессор факультета истории Стэнфордского университета Е. Д. Адамс по инициативе Герберта Гувера поехал в Париж для сбора документов о Первой мировой войне и Парижской мирной конференции. Он связался со всеми делегациями Восточной Европы, в том числе и с представителями существовавших государств, и с представителями стран, которые еще только добивались государственности. Большинство делегатов охотно сотрудничали с профессором и предоставили ему большое количество материалов, которые и легли в основу Гуверовской библиотеки войны — так она тогда называлась. Особенную подробную документацию была получена по России, Польше, Чехословакии, Румынии и Югославии.

Первые издания по России были получены от членов Русской политической конференции, в которой ведущую роль играли два известных политика и дипломата — Василий Маклаков и Сергей Сazonov.

В сентябре 1920 года профессор Франк Гольдер, специалист по русской истории, живший в России до и во время Первой мировой войны, был послан в Восточную Европу для сбора материалов для Гуверовской библиотеки. Вместе с профессором Гарольдом Г. Фишером из Американской администрации по оказанию помощи он приобрел большое количество материалов (книг, брошюр, журналов, газет и архивных собраний), касающихся Российской империи и ее бывших провинций — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины и Польши. Дополнительную документацию дало путешествие Гольдера в тогда независимые закавказские государства.

Значительное количество печатного материала по России Гольдер приобрел во время работы в миссии Американской администрации по оказанию помощи Советской России в конце 1921 года — середине 1923 г. На средства, выделенные Гербертом Гувером, Гольдер с помощью Анатолия Луначарского, своего бывшего соученика, ставшего народным комиссаром просвещения, приобрел более 40 тысяч ценных изданий. Эти приобретения — вместе с ранее собранными документами — послужили солидным фундаментом для дальнейшего развития фонда Гуверовской библиотеки.

Квалифицированный отбор литературы и организация комплектуемого материала на высоком научном уровне стали возможны благодаря тому, что уже в самые первые годы существования библиотеки кураторами собраний по отдельным регионам были назначены специалисты по данным регионам.

Первым куратором русского собрания стал в 1924 году Дмитрий Красовский, получивший в России юридическое образование и степень по библиотековедению в Беркли. Бывший генерал Н. Н. Головин стал агентом по комплектованию материалов в Европе. Оба они, особенно Красовский (1924-1947), много сделали для роста и улучшения собрания.

В течение шести десятилетий фонд библиотеки по России постоянно пополнялся. Проблемы, возникшие во время Второй мировой войны и в последние годы правления Сталина, когда приобретение книг из Советского Союза было ограничено, с тех пор заполнились либо оригинальными материалами, либо микрофильмами. Со времени последнего описания русско-советской коллекции, сделанного Витольдом Свораковским в 1954 году, она возросла более чем впятеро.

Русская коллекция

Сейчас собрание является одним из самых крупных в мире научных источников по изучению истории России XX века и Советского Союза. Библиотека стремится собирать и хранить всевозможные первичные и вторичные документы по проблемам современной политики, истории, экономики и идеологии внутри данного географического региона, а также по международным делам и взаимоотношениям между странами.

Статистически собрание можно описать следующим образом:

Россия и СССР	Монографии	Названий периодики	Названий газет
В целом	289.000	более 3.500	700
Украина	6.000	230	100
Прибалтийские государства	5.000	500	100
Всего	300.000	4.230	900

Эта обширная коллекция — одна из самых выдающихся достопримечательностей Гуверовского института. По глубине и качеству с ней могут тягаться лишь немногие библиотеки западного мира.

Дореволюционная Россия представлена большим количеством изданий, из них многие — редки или даже уникальны в Северной Америке. Особенно полно представлены материалы по следующим рубрикам: развитие политических партий в России, дипломатические архивы Имперской России, революционное движение, вопрос о земле и крестьянский вопрос, экономическое развитие и территориальная экспансия, Азиатская Россия и ее колонизация, Царская тайная полиция (Охранка), земство, русско-японская война, революция 1905 года и участие России в Первой мировой войне.

Почти исчерпывающая документация имеется по русскому законодательству, Думам и первой всеобщей переписи населения 1897 года. Имеется богатое собрание подшивок дореволюционных газет и журналов.

Гуверовская коллекция по революциям 1917 года (Февральской и Октябрьской), Временному правительству и гражданской войне, вероятно, самая большая такого рода на Западе. Полностью скомплектована документация по Временному правительству, включая все официальные газеты, издания министерств.

Конечно, основная часть коллекции по России и Советскому Союзу, насчитывающей 300 тысяч томов, посвящена постреволюционному периоду. Здесь особенно полно представлены темы: военный коммунизм (1918-1921), террор и принудительный труд, атеистическая деятельность, сепаратистские движения и национальный вопрос, период НЭПа (1921-1927), крестьянский вопрос и коллективизация, экономическое планирование, внешняя политика СССР, Коминтерн, профсоюзы, советско-финская война 1939-1940 гг., Советская армия, Коммунистическая партия Советского Союза (включая все официальные документы, отчеты и материалы съездов).

Библиотека также собрала большую коллекцию советских диссидентских (самиздатских) изданий. Это не только печатные издания, как «Архив Самиздата» и его преемник «Материалы Самиздата», но и рукописные материалы, такие, как документы Христианского комитета защиты прав верующих, а также издания эстонского и литовского самиздатов.

Среди архивов Гуверовского института русские коллекции — из самых значительных. В них собраны документы, в частности, по темам: царский режим после 1880 года (особенно в области дипломатии), революционное движение конца XIX века, революции 1917 года, Россия в Первой мировой войне, военная помощь, гражданская война и эмиграционное движение.

Значительная часть важных фондов по России была приобретена в самые первые годы существования Гуверовского института (1919-1930). Среди тех, что касаются русской революции и гражданской войны, выделяются коллекции, принадлежавшие белым генералам: таким, как Сергей Голован, Алексей фон Лампе, Евгений Миллер, Дмитрий Щербачев, Николай Юденич и Петр Врангель. Бумаги генерала Юденича, например, насчитывают 21 ящик с рукописными документами, касающимися деятельности северо-западной армии с 1918 по 1920 гг., бумаги генерала Врангеля — почти 100 ящиков — раскрывают историю первой добровольческой армии, созданной на юге России генералами Алексеевым и Корниловым, и Русской Армии на юге России под командованием генерала Деникина и позже генерала Врангеля до их поражения и эвакуации в Турцию. Деникин и Врангель пытались создать суррогаты русского государства на территориях, находившихся под их правлением, поэтому их архивы связаны не только с во-

енными вопросами, но и с политическими делами и отношениями с союзными правительствами и военными иностранными миссиями.

В бумаги Врангеля входит также обширный архив Русского экспедиционного корпуса, отправленного в 1915 году во Францию. История этой группы никогда не изучалась подробно из-за распространенной точки зрения, что документального материала по корпусу не существует. Кое-какая информация о бунте в корпусе сохранилась в архивах парижского отделения царской тайной полиции, «Охранки». С обнаружением после 60 лет без малого бумаг Врангеля стали доступны исторические источники по этому вопросу.

В результате, в настоящее время в Гуверовском институте собраны значительно более ценные первичные материалы по «белым армиям» в гражданской войне, чем доступные в советских архивах.

В Гуверовском институте имеются также ценные документы о дипломатических учреждениях русского имперского и временного правительства, таких, как русское консульство в Бреслау (1860-1914), дипломатическая миссия в Гессе (1857-1913), дипломатическая миссия в Вюртемберге (1828-1904) и русское посольство во Франции (1917-1924); бумаги дипломатических представителей, таких, как Борис Герау (военный атташе белой армии в Лондоне, 1917-1920 и Михаил де Герье (посланник Врангеля при союзных государствах).

Картотеки отделения царской тайной полиции, «Охранки», по общепринятым мнению, относятся к числу самых выдающихся архивных фондов по России, имеющихся в Гуверовском институте. Эта коллекция, состоящая из 203 ящиков с рукописями, десяти томов газетных вырезок, 163.802 биографических и справочных карточек и восьми линейных футов фотографий, является важным источником для изучения политических партий в дореволюционной России. В ней содержится большое количество печатных материалов и копий, исходящих из главного отделения в Санкт-Петербурге, и все картотеки и документы парижского отделения за период 1883-1917 гг. Назначением парижского отделения было наблюдать за русскими эмигрантами заграницей. Кроме донесений агентов, досье содержат политические обзоры и отчеты о партийной деятельности политических организаций всех оттенков — от крайне левых до центра, а также менее подробную информацию о правых группах.

Хотя в годы экономической депрессии и Второй мировой войны (1930-1945) комплектование фондов Гуверовского института сократилось, большинство предметных рубрик пополнилось новыми материалами. Программа по русскому комплектованию успешно продолжалась: Институт получил бумаги лидера конституционно-демократической партии Иосифа Гессена (1919-1920), офицера белой армии на Дальнем Востоке Бориса Крюкова (1917-1923), бессарабского аристократа и делегата Парижской мирной конференции Александра Крупенского (1918-1935), русского историка и издателя Сергея Мель-

гурова (1918-1933), главы специальной комиссии по расследованию обстоятельств убийства семьи Романовых Никандра Миро-любова (1918-1927), главы поселения русских эмигрантов в Югославии Сергея Пале-олога (1920-1923), русского государственного секретаря по польским делам Валериана Платонова (1864-1866) и начальника штаба Белой армии, генерала Сергея Щепихина (1919-1920). Были приобретены также новые дипломатические архивы: документы русского консульства в Лейпциге (1902-1908), консульства в Саксонии-Веймаре-Эйзенахе (1902-1908), русского морского агента в Германии (1873-1912) и, что представляет осо-

дан ряд специальных библиографий и указателей, из них наиболее примечательны следующие:

Dwyer, Joseph D., ed. Russia, the Soviet Union and Eastern Europe: a survey of Holdings at the Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford, Hoover Institution, 1980, 233 p.

Двайер, Джозеф, сост. Россия, Советский Союз и Восточная Европа: описание фондов Гуверовского института войны, революции и мира.

Maichel, Karol. Soviet and Russian Newspapers at the Hoover Institution, 1966, 235 p.

Майхель, Кароль. Советские и русские газеты и журналы в Гуверовском институте.

Palm, Charles G. and Dale Reed. Guide to the Hoover Institution Archives. Stanford, Hoover Institution, 1980, 418 p.

Пальм, Чарльз и Дейл Рид. Указатель к архивам Гуверовского института.

Smith, Edward E. «The Okhrana», the Russian Department of Police: a bibliography. Stanford, Hoover Institution 1967, 280 p.

Смит, Эдвард Е. «Охрана», Департамент полиции России: библиография.

Bourguina Anna. Russian Social Democracy, the Menshevik Movement: a Bibliography. Stanford, Hoover Institution, 1968, 391 p.

Бургина, Анна. Русская социал-демократия, меньшевистское движение: библиография.

За прошедшие 60 с лишком лет обширные коллекции по России и Советскому Союзу, собранные в Гуверовском институте, послужили источниками для множества ученых, осуществлявших большое количество исследовательских работ в этой области. Из работ раннего периода, 1930-1940 гг., можно назвать исследование Джеймса Буньяна и Г. Г. Фишера документов, относящихся к большевистской революции (1934), мемуары графа Коковцева (1935), исследование Г. Г. Фишера о голоде в Советской России в 1919-1923 гг. (1935), работу И. А. Варника о показаниях Колчака (1935), работу В. И. Гурко о правительстве и общественном мнении во время правления Николая II (1939) и исследование О. Г. Ганкина о большевиках и мировой войне (1940).

В послевоенный период появились документальные исследования Ксении Дж. Юдиной об отношениях Советской России с Западом и Востоком (1957), работа Бориса Николаевского о власти и советской элите (1965) и — самое главное — документальное исследование о Временном правительстве, результат длительного пребывания А. Ф. Керенского в Гуверовском институте. Трехтомный труд был издан в 1961 году.

Кроме собственно исследований и изданий, Гуверовский институт всегда принимал активное участие в организации и финансировании научных конференций. В последние годы прошло несколько конференций по проблемам, связанным с Советским Союзом и Восточной Европой. Упомяну лишь о нескольких. В сентябре 1978 года Институт

С русской коллекцией Гуверовского института могут тянуться лишь немногие библиотеки западного мира.

бый интерес, документы русского посольства в Вашингтоне, округ Колумбия, за 1914-1933 гг., т. е. имперского и Временного правительства. Это архивное собрание, длиной в 260 линейных футов, касается роли России в Первой мировой войне, русской революции и гражданской войны, деятельности русского Красного Креста и русского военно-го атташе в США. В нем также содержатся документы о множестве других дипломатических представительств, упраздненных после революции и гражданской войны.

В результате сосредоточения усилий в области комплектования, в чем активное участие принимал Герберт Гувер, в 1945-1949 гг. архивы пополнились интересными материалами. Среди прочего, в этот послевоенный период были получены бумаги генерала Сергея Потоцкого (40 ящиков) и Валериана Моравского (20 ящиков). Бумаги Моравского охватывают деятельность первого и второго антибольшевистских правительств в Сибири в 1918 и 1922 гг.

После 1960 года архив обогатился собраниями исключительной важности. Русские фонды существенно пополнились коллекцией Бориса Николаевского о меньшевизме (1850-1966), состоящей из 400 ящиков с рукописями и библиотекой в несколько тысяч томов, библиотекой и личным архивом Николаса де Базили, дипломата императорской России, личного поверенного Николая II и автора текста его отречения от престола, а также библиотекой и личным архивом Александра Тазаидзе, грузино-американского автора, историка семьи Романовых, занимающегося проблемой участия России в Первой мировой войне.

В помощь пользованию русскими и советскими фондами Гуверовского института из-

организовал конференцию «Будущее Советского Союза», в январе 1980 года — «Восточная и Центральная Европа: вчера, сегодня, завтра», на весну 1983 года запланирована конференция «Последняя империя: национализм и будущее Советов». Все материалы конференций публикуются.

В настоящее время интерес Гуверовского института к изучению Советского Союза и Восточной Европы нимало не ослаб. Сегодня в этой области исследований в институте работают: Роберт Конквест — история НКВД, коллективизация и искусственный голод на

Украине и национализм в Советском Союзе; Джон Г. Мор изучает теорию централизованного управления в советской экономике; Милорад Драчкович работает над новой историей Коминтерна и над собранием писем из досье Охранки; Михаил Бернштам изучает воздействие коммунизма на советское общество, демографические перспективы советских народов и советские стратегические зерновые запасы. Леонард Герсон пишет новую биографию Феликса Дзержинского, Аллан Безансон работает над истоками ленинизма, Мервин Метьюз изучает бедность в Советском Союзе, Оливер Редки за-

нимается Учредительным собранием и причинами гражданской войны, Клаус Мейнарт изучает читательские интересы среднего советского гражданина, Штефан Пессони делает работу о советско-американском военном балансе и советской угрозе, Алекс Инкелес исследует проблемы советского общества, Кингсли Девис сделал вместе с Михаилом Бернштамом работу о разводе и упадке семьи в Советском Союзе, Джозеф Драйер занят проблемами советской библиографии, международным коммунизмом и вопросами преемственности власти в Советском Союзе сегодня.

ДОКУМЕНТЫ

Документы из официальной публикации Государственного Департамента США *Foreign Relations of the USA. Diplomatic Papers.*

Две записки о перспективе использования атомной энергии Советским Союзом и возможных последствиях этого для мира написаны осенью 1945 года тогдашним послом США в СССР Авереллом Гарриманом и временным поверенным в делах посольства США в Москве Джорджем Кеннаном.

В наше время оба дипломата, теперь уже в преклонном возрасте и в отставке, активно выступают за заключение соглашений с Советским Союзом об ограничении термоядерного вооружения и за проведение по отношению к СССР более мягкой политики, обосновывая необходимость таковой «традиционным комплексом подозрительности» советских руководителей к намерениям Запада. В то же время Гарриман и Кеннан резко критируют курс на поддержание военного потенциала США, проводимый президентом Р. Рейганом.

Тема: Организация научных исследований в Советском Союзе и потенциальная возможность добиться использования атомной энергии

Государственному секретарю,
Вашингтон
30 сентября 1945 г.

Сэр,
честь имею приложить меморандум * относительно организации исследований в Советском Союзе и потенциальной возможности добиться использования атомной энергии. Он подготовлен мистером Уитни, который в настоящее время возглавляет отдел экономических исследований посольства.

Этот меморандум — всего лишь краткий и

поверхностный обзор ситуации, насколько она известна на сегодня. Однако я уверен в правильности сделанных в нем заключений и чувствую, что они достойны самого пристального внимания со стороны заинтересованных кругов в нашем правительстве.

Госдепартаменту надлежит обратить особое внимание на следующие положения меморандума:

- а) Советское правительство несомненно приложит все усилия и использует все имеющиеся в его распоряжении средства, чтобы узнать секрет атомной энергии.
- б) Естественные ресурсы, уровень научно-исследовательского оборудования и производственного оснащения в Советском Союзе дают нам основания полагать, что совет-

ское правительство сможет выполнить эту задачу.

в) Для безопасности Соединенных Штатов жизненно важно иметь адекватную и своевременную информацию по этому вопросу.

г) В силу непроницаемости советской системы безопасности абсолютно исключается получение адекватной информации по нормальнym каналам, с использованием средств, имеющихся сейчас в нашем распоряжении.

д) Поэтому оправданы специальные усилия в этом направлении.

Я самым серьезным образом рекомендую нашему правительству отнестись к этим заключениям с исключительным вниманием.

Почти 11 лет занимаясь русскими делами, я без малейших колебаний категорически

Обозрение

заявляю, что наша безопасность окажется под серьезной угрозой, если русские сумеют использовать атомную энергию или создать любые другие радикальные средства разрушения большого радиуса действия, а мы ничего не будем знать об этой опасности и, застигнутые врасплох, окажемся беспомощны против них. В истории советского режима нет ничего — я повторяю, ничего — что могло бы позволить нам предположить, что люди, находящиеся сейчас у власти в России, или даже те, у кого есть шансы прийти к власти в обозримом будущем, хотя бы на мгновение усомниться применить против нас это оружие, если они будут считать, что с его помощью они смогут существенно улучшить свое положение в мире. Это остается правдой вне зависимости от того, каким образом советское правительство сумеет получить данные о применении таких сил: в результате ли своих собственных научно-технических исследований, путем ли шпионажа, либо такие сведения будут переданы им как жест добной воли и доверия. Предположить, что советских руководителей смогут удержать соображения благодарности или гуманности, означало бы бросить вызов множеству противоположных свидетельств в вопросе, жизненно важном для будущего нашей страны.

Поэтому я глубоко убежден, что сообщить советскому правительству какие-либо сведения, которые могли бы оказаться жизненно важными для обороны Соединенных Штатов, не имея адекватной гарантии контроля за использованием этих сведений в Советском Союзе, было бы преступной небрежностью по отношению к жизненным интересам нашего народа. Я надеюсь, что Департамент отнесется к этой точке зрения как к документально подтвержденному факту и проследит за тем, чтобы она учитывалась — чего бы это ни стоило — в любых обсуждениях этого вопроса, которые могут иметь место в ответственных кругах нашего правительства.

В то же самое время я хочу сказать, что считаю безусловным долгом различных заинтересованных агентств нашего правительства немедленно разработать в Вашингтоне меры, которые предпримет правительство для получения информации относительно прогресса в советских атомных исследованиях. В этой связи у меня есть целый ряд соображений, но я думаю, что сейчас, возможно, не время и не место перечислять их. Если Департамент пожелает, я с радос-

тью представлю подробные рекомендации по этому вопросу в любой срок.

С уважением,

Джордж Ф. Кеннан
временный поверенный в делах

Приложение: меморандум относительно потенциальной возможности Советского Союза добиться использования атомной энергии.

Foreign Relations, 1945,
vol. V. Europe. p. 884-886
Washington D. C. 1968

* Не печатается. — Ред.

Государственному секретарю
Вашингтон
27 ноября 1945 г.

Распространению не подлежит.

Пытаясь понять реальное воздействие (СЕКРЕТНО СЕКРЕТАРИЮ ОТ ГАРРИМАНА) атомной бомбы на поведение Советов, я пришел к следующим, приблизительным и общим, выводам:

Необходимо иметь в виду, что советские правительственные и партийные деятели всю жизнь, начиная с тех дней, когда они были подпольщиками в революционном движении, живут в состоянии почти непрерывного страха или напряжения. Своих целей они достигли благодаря твердой решимости и агрессивной тактике, а также интригами и блефом. Так как они никогда не были уверены ни в своей собственной безопасности, ни в безопасности своей революции, они постоянно начеку и подозрительно относятся к любому противодействию. Эта атмосфера господствовала на протяжении всего периода, когда они захватили власть и оказались лицом к лицу с внешними и внутренними силами, которые пытались их опрокинуть. Они боялись капиталистического окружения и раскола внутри партии, и это привело к двум беспощадным чисткам. Позднее, когда Гитлер пришел к власти, над ними нависла угроза немецкой агрессии. Началась война — и чуть было не уничтожила их. Когда в войне наступил перелом, они, должно быть, испытывали чувство огромного облегчения. С победой пришла уверенность в мощи Красной Армии и их собственной власти внутри страны

и у них впервые появилось чувство безопасности — своей личной и революции, чувство, которого у них прежде никогда не было.

Можно вспомнить, как в сентябре 1941 года Сталин говорил мне, что у него нет иллюзий насчет того, что русский народ воюет, как воевал всегда, «за свое отчество, а не за нас», то есть не за коммунистическую партию. Сегодня он ни за что не заявил бы ничего подобного. Война послужила консолидации революции в России. Было решено крепить Красную Армию и развивать военную промышленность, чтобы никакая сила на земле не смела больше угрожать Советскому Союзу. Были предприняты политические шаги для углубления линии обороны, неизврая на интересы и чаяния других народов. Мощь Красной Армии — гарантия проведения такой политики, независимо от сопротивления, которое она может вызвать.

Внезапное появление атомной бомбы было воспринято советскими правителями как подрыв силы Красной Армии. Наверное, это оживило в них прежнее чувство неуверенности. Их твердая убежденность в том, что они могут без помех достичь своих целей, была поколеблена. В результате представляется вероятным, что они вернулись к своей старой тактике достижения целей с помощью агрессивности и интриг. Показательно, что в начале сентября во время выборной кампании в Болгарии коммунистическая партия использовала лозунг «мы не боимся атомной бомбы». Эта позиция отчасти объясняет агрессивность Молотова в Лондоне. Мою догадку подтвердил один бывший член коммунистической партии. И не без умысла в речи от 7 ноября Молотов грозился большим и лучшим оружием. Русскому народу опять вновь вынужден противостоять враждебному миру. Американский империализм рассматривается как угроза Советскому Союзу.

Это послание ни в коей мере не претендует на то, чтобы предложить определенный курс действий, это всего лишь частичное объяснение странного психологического эффекта атомной бомбы на поведение советских руководителей.

Подписано У. А. Г., т. е.
Уильям Аверелл Гарриман

Foreign Relations of the USA, 1945
vol. V. Europe. p. 922-924.
Washington D. C. 1968.

II

Можно ли добиваться мира за счет истины?..

Встреча Примаса Польши архиепископа Глемпа
со священниками Варшавской архиепархии 7 декабря 1982.

Об этой встрече уже сообщалось в газете «Русская мысль» в номере от 16 декабря на основе информации западной прессы. Публикация полного текста этих заметок, несмотря на время, минувшее после этой встречи, представляется нам существенной, ибо содержание выступлений рядовых священников архиепархии, где сам Примас является архиепископом, опровергает упрощающий взгляд, согласно которому Польская Церковь в целом пошла на компромисс с властями и предала «Солидарность» и сопротивляющееся общество. Конфликт, как свидетельствует публикуемый текст, разворачивается не между Церковью и обществом, но скорее между «сверхосторожной» частью высшей иерархии и всем остальным «церковным народом», включая большинство рядовых священников и часть епископов. Так же неверно было бы толковать этот конфликт как желание Примаса уберечь Церковь от политизации вопреки жажде его оппонентов «втянуть Церковь в политические игры». Возможно, субъективные намерения Примаса именно таковы — так он расценивает свои позиции, выступая на этой встрече, — но внимательный читатель на протяжении года военного положения мог убедиться, что партийно-генеральской хунте удавалось втянуть Церковь и лично Примаса в политические игры близоруко-тактического порядка и в компромиссы, дававшие Церкви сомнительный политический выигрыш при ее несомненных и также политических уступках. Та же Церковь, на которую рассчитывает Сопротивление, та Церковь, которая по-прежнему стоит бесчисленными своими пастырями, — это не политический институт, но духовная опора.

Наталья Горбаневская

Во встрече участвовало около 300 кандидатов, продолжалась она три часа. Вступительная речь Примаса заняла час. Он начал ее отрицательной оценкой польских восстаний (восстаний прошлого века и Варшавского восстания 1944 г.): они были проиграны — следовательно, народ понапрасну понес жертвы. Позитивная работа значит несравненно больше борьбы. Исполнением национальных чаяний является государство — пусть сегодня оно неполноценное, но лучше такое, чем никакого. Примас усматривает частичную аналогию между нашим сегодняшним положением и тем, что складывалось накануне восстаний (особенно накануне 1863 г.). Однако он не допускает таких определений того, что мы сегодня переживаем, как оккупация или отсутствие независимости. Он многократно подчеркивает, что не ведет никакой политики, а просто выражает позиции Церкви (полностью совпадающие с позициями Папы). Историческую часть своего выступления он заключает словами: «...Великие мира сего, наши враги и не только враги хорошо изучили наш национальный характер, наши эмоции, нашу способность жертвовать собой — чтобы играть на этом». Затем Примас характеризует нынешнее

положение Польши. По его мнению, слишком односторонними являются как осуждение, так и апология «Солидарности». То, что было ценного в этом феномене профсоюзного и национального движения, остается актуальным по-прежнему. После ликвидации «Солидарности» и других независимых организмов возникло последовавшее за надеждами и эмоциями чувство поражения. Надо уметь терпеть поражения, уметь принимать их, не теряя надежды. После восстаний прошлого века поражение было тотальным, а после национального подъема, связанного с «Солидарностью», в народе сохранился огромный духовный потенциал.

В сегодняшнем социальном противостоянии сил постоянно говорится о том, какую роль сыграет или должна сыграть Церковь. Церкви приписывали политическую «ангажированность» — мы защитились от такой возможности, как защищались и от партнерства в контактах с властями. Церковь не может быть частью программы какой бы то ни было партии. Она должна оставаться собою, но должна и помогать людям. Помочь мы оказывали по мере наших сил. Мы, Церковь, не собираемся превратиться в некую «Нео-Солидарность». Но мы и не совсем

беспомощны — мы ведем пастырское окормление в различных группах и профессиональных кругах. Особенно важно пастырство среди крестьян. Эта группа наиболее расколота — даже «Солидарность» не сумела их объединить.

Ответственность Церкви перед лицом происходящих перемен несомненна, мы от нее не уклоняемся. Многим кажется, что опасность идет от нашего чересчур пассивного отношения к «Солидарности», в то время как действительная опасность лежит в даваемых нам государством привилегиях. Мы строим сейчас костелы, где хотим, материала как-то достаем, власти не накладывают руку на наши финансы. Политика такова: дадим Церкви привилегии, позволим выезды за границу и паломничества, чтобы духовенство в общественном восприятии было окружено ореолом привилегированного слоя. Хотят создать потребительский стиль жизни священников, и многие священники на это поддаются. Будь мы честны перед своей совестью, нам всем следовало бы бить себя в грудь. Мы можем утратить нашу духовность. Наше будущее должно лежать в подлинности и в учении Церкви, в «Vivere cum Ecclesia». Следует не терять

перспектив нашей мысли, вне зависимости от того, в какой системе мы живем. Менять систему — не церковное дело. Мы должны быть с людьми и повсюду свидетельствовать.

Остается оценить позиции Епископата по отношению к молодежи и творческой интелигенции. В отношении этих проблем скопилось чересчур много эмоций. Мы приложили много стараний, чтобы выразить протест против злоупотребления факторами наведения порядка. Имеется претензия, что это не было сделано в достаточной степени публично. Эта претензия сводится к требованию осудить ЗМО. А на самом-то деле суровое осуждение этой несправедливости имело место: мы весьма широко протестовали в ряде меморандумов. Я даже цитировал письмо матери одного из подвергшихся избиению в Квидзыне (в лагере для интернированных, где тюремная охрана, ЗМО и ГБ устроили в августе кровавое избиение нескольких десятков заключенных — Пер.), но никакой реакции властей не было. Епископат не может оперировать общими местами — иначе его выступления стали бы неполной правдой. А с конкретными деталями тем временем очень трудно: люди уклоняются, не хотят свидетельствовать, нет документов. Правда должна быть полной. Кто толкал эту молодежь на улицу? Достаточно ли мы ее удерживали? Я накануне 10 ноября не говорил: не выходите на улицу, — я говорил: народ имеет право на протест, но, сказал я также, я не вижу результата от таких протестов. Говорят: если бы не Церковь, может быть, удалось бы. Мы не можем позволить втянуть себя в такие мелкие игры.

Подполье — это борьба ради борьбы без программы. Мы не можем включиться в свары, злободневные лишь сегодня. Не можем создавать ореол героизма тем, кому этого хочется. На все это следует смотреть спокойнее. Заявление: «А народ ждет...» — это шантаж. Церковь не отвечает на общественные ожидания, ибо она не партия — она учитель.

Таково же положение с творческими кругами и с моей проповедью (проповеди, произнесенной 1 декабря, Примас призвал актеров прекратить бойкот радио и телевидения; на следующий день, не ожидая, как ответят актеры на призыв Примаса, власти распустили Союз актеров польской сцены — Пер.). Это (т.е. бойкот — Пер.) было протестом, основанным на уходе с телевидения, на самоорганизации и взаимопомощи. Этот протест был ясен в первой фазе. По прошествии года среди этих людей наступили несогласия, конфликты, задержка в художественном развитии. Затягивающийся протест перестает быть значимым. Такого призыва (какой произнес Примас — Пер.) ожидали некоторые актеры. Онозвучал слишком поздно. Былипущены в ход средства более жестокие, возник огромный вакуум. Актеры должны идти в существующие организмы, не ограничиваться костелами. Отсутствующий всегда неправ. Для многих это нравственная проблема: можно ли сотрудничать с институтом зла? А тем временем это создает кон-

фликты. Нет институтов, абсолютно лежащих во зле. Надо идти и преобразовать мир. Мы стоим перед великой перспективой не на сегодня, но на долгие годы будущих поколений.

После выступления Примаса сразу начались вопросы из зала. Выступило восемь священников, прочие не успели взять слова.

Второй священник: Общество повсеместно воспринимает линию Церкви как «большую политику». Так воспринимаются и выступления Примаса. В мае Примас сказал, что «камни — не аргумент», а люди искали противовеса, утверждения, что дубинки — тоже не аргумент. Происходит манипуляция высказываний Примаса. Зачем, например, Примас дает интервью? (Аплодисменты). Интервью непременно будут использованы. Выглядит это так, словно Церковь говорилась с Ярузельским и ведет одну с ним линию. Это не мы (священники) потерпели поражение, но мы не способны поддержать людей, которые его потерпели. Нравственные оценки, к которым мы призваны, — неоднозначны и закамуфлированы. Люди недобрый словом поминают некоторые высказывания Примаса. Люди не ищут виновных — они ищут опоры. Некогда Папа Лев Великий остановил Аттилу и гуннов, которые шли на Рим. Так и ныне следует организовать процессию духовенства во главе с Примасом против ЗМО. Может быть, нас побили бы. (Аплодисменты). Мы увидели бы, кого и за что бьют и что значит бытьбитым. Тут шла речь о привилегиях Церкви? А зачем мы эти привилегии принимали? До декабря 81-го Церковь весьма активно включилась в движение «Солидарности»: речи, богослужения, освящение знамен, памятников. После декабря у людей появилось чувство оставленности.

Примас: Мои интервью, действительно, подвергаются манипуляции. Мой пост обязывает меня брать слово по общественным вопросам. Так же поступал и мой предшественник. Не раз оказывается, что на какие-то вещи я не могу не ответить. Я не занимаюсь политикой — самое большое, я произношу 2-3 фразы по поводу злободневных дел. Я отвечаю за свои слова. Есть линия, которая должна быть слышима.

Третий священник: Я говорю от имени рядовых ксендзов. Есть вопрос: не занимаемся ли мы коллаборантством? Общественное мнение встревожено перспективой возникновения какой-то «католической» политической партии. Хотелось бы знать, благословит ли Примас такую партию или «христианские профсоюзы»? Как понимать уговоры к сотрудничеству с властями режима? Можно ли добиваться мира за счет истины? Каким образом постоянные речи о том, что «надо спасать субстанцию нации», согласуются с содержанием Евангелия? Можно ли спасать субстанцию нации, приходя к соглашению любой ценой? Возможна ли победа истины без жертв? Возможен ли мир без истины? Люди говорят о том, как формируется политическая линия Епископата. Цель ее, по слухам, — добиться папского визита за счет согласия Церкви на ликвидацию

«Солидарности». Если визит Папы должен быть лишь посещением большого лагеря интернированных — Польши, то Церковь, похоже, взяла на себя обязанности поддержания порядка в этом лагере. Паломничество Папы в любой момент может быть отменено властями, а цена — усмирение общества — будет заплачена Церковью. Народ инстинктивно считает, что в переговорах с властями нет иных аргументов, кроме силы натиска. Церковь может вскоре оказаться на первой линии атаки со стороны властей, притом при ослабленном общественном доверии, когда сопротивление общества падет при ее же участии. Мы глубоко тревожимся и о Примасе, и о Польше. (Аплодисменты).

Примас: Это не церковные формулировки. Это жонглирование лозунгами. Что это значит: Папа в лагере интернированных? Это значит видеть Церковь только в плоскости политических понятий. Коллаборантство? Новая католическая партия? Говорят, что с этой-то целью я принял Валенсю? Валенсю я обязан был принять после нападок на него — чтобы было известно, что Церковь его принимает. Нельзя приписывать Церкви коллаборантство или желание создать партию. Мы знаем, что такие организации, как «Пакс», Социально-христианское товарищество и Польский социально-католический союз существуют, чтобы раскальвать католическую интеллигенцию.

Епископат считает, что приезд Святого Отца будет для нации великим религиозным событием. Быть может, интернированных в Польше вообще уже не будет. Пусть в стране будет такой порядок, чтобы Папа мог приехать. Визит Святого Отца — дело более чем первоочередной важности.

Четвертый священник: Проблема в том, кем будут наши дети: будут ли они католиками и поляками или пионерами? (Аплодисменты.) Если есть рефлекс, спасающий от душевной деформации, его надо принимать положительно. Не стоят ли за «лозунгами» подлинные проблемы? Не обладает ли великое дело религии своим политическим звучанием, и, наоборот, не имеет ли иногда политика религиозного измерения? (Аплодисменты.)

Пятый священник: Все труднее проводить обучение молодежи Закону Божьему. Молодые спрашивают: «Что все это значит? Как дальше жить?» После призыва Примаса к актерам они стали апатичны: «Мы потеряли опору». Они это говорят между собой — уже не мне! Нас перестают слушать. Молодежь говорит: «Сначала надо быть человеком, а потом уже христианином». А в высказываниях Примаса основное ударение на религиозные вопросы — не на человечность.

Примас: Это и есть постоянное ожидание того, что Церковь займет политические позиции — то, во что дала себя втянуть Церковь в Южной Америке. Это выводы из опасной «теологии освобождения» — они дали втянуть себя в марксизм! Мы не потеряем молодежь, если будем твердо стоять на евангельских принципах.

Шестой священник: Верно ли, что народ ожидает политических выступлений? Пожалуй, нет. Он ожидает бытия Церкви вместе с угнетенным народом. Линия церковной политики как бы раздвоена. Линия Ватикана — одна, линия Епископата — другая...

Примас (прерывает): Прошу доказательств! Это серьезное обвинение!

Священник: Я говорю об ощущениях людей, с которыми мне приходится работать.

Примас: Я не могу здесь рассказывать о моих разговорах с Папой, однако заверяю, что расхождений нет.

Седьмой священник: В польском народе так было принято, что Церковь — это народ. Я пережил 1939 год, оккупацию, сталинский период. То, что произошло в костеле Богородицы (призыв Примаса к актерам), — это личная трагедия всей моей жизни. Это было выступление против народа. Мы живем под оккупацией...

Примас: Вся эта историософия, что Церковь равняется народу, может действовать только в области историософии. Политики,

особенно заграничные, настойчиво твердят о том, что нам необходимо пожертвовать собой. Мы не можем толкать народ на жертвы только потому, что кто-то призывает его к самосожжению. Если Церковь должна быть народом, то она обязана проникнуть в существующие институты. Понятие оккупации — личное дело выступавшего. Но я не собираюсь тут заниматься политикой!

Восьмой священник: У меня такое ощущение, что Церковь теряет основы доверия к себе. Слова коммюнике епископов (от 1-2 декабря) слишком слабы по сравнению с действительностью. Только «огорчение» — как бессильный дедушка перед лицом молодого поколения. Еще Коллонтай** сказал, что после разделов невозможно выстроить систему совершенного воспитания молодежи, ибо деспотическая система служит только дрессировке. Угнетение через существующие структуры — это реальность. Как же сказать молодым, что они, храня дух, должны включиться в структуры, подавленные из центра?

Примас: Вы смогли, *confratres*, узнать взгляды, представляемые Епископатом и вашим епископом. Думаю, что такие встречи будут нужны и в дальнейшем. Искренность будет очерчивать диалог, который укрепляет епископа. Противоречия я принимаю как возможность творения нашей общей ответственности.

* Так в тексте записи. Выступление первого оратора не приводится. — Пер.

**Гуго Коллонтай — политический и общественный деятель конца XVIII века. — Пер.

Перевод Н. Горбаневской

Содержание

Александр Некрич. Как навести «порядок»	1
СССР И КИТАЙ:	
Стивен Левин. На пути к новому равновесию?	
Некоторые исторические перспективы	
советско-китайских отношений	3
Айзек Ашер. Китайско-руssкие и китайско-советские	
государственные отношения: истоки и развитие	6
С.Т. Лионг. Китайско-советская граница	8
СССР: ЭКОНОМИКА:	
Михаил Хенчинский. Заметки по поводу советского	
военно-промышленного комплекса	11
СССР: ИМПЕРИЯ:	
Андрей Амальрик. СССР едва ли вторгнется	
в Польшу...	13
Станислав Варецкий. Пейзаж после битвы	15
ИСТОРИЯ:	
Александр Кааждан. Размышления об истории	16
НАУКА:	
Григорий Рыскин. Ликвидация педологии	21
НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ:	
Елена Гессен. Феномен Вампилова	23
ИЗУЧЕНИЕ РОССИИ И СССР:	
Джозеф Д. Двайер. Гуверовский институт войны,	
революции и мира	25
ДОКУМЕНТЫ:	
I. Меморандум Аверелла Гарримана и Джорджа Кеннана	
о перспективах использования атомной	
энергии Советским Союзом (1945 год)	28
II. Встреча Примаса Польши архиепископа Глемпа	
со священниками Варшавской архиепархии	
7 декабря 1982 года.	30
Почти что юмор.	2; 20

«ОБОЗРЕНИЕ»

Аналитический журнал газеты «Русская Мысль» (Париж)

Выходит 6 раз в год.

Редактор Александр НЕКРИЧ.

«OBOZRENIE»

Revue analytique publiée par l'hebdomadaire «La Pensée Russe» (Paris)

6 numéros par an

Rédacteur en chef Alexandre NEKRITCH.

«OBOZRENIE»

Analytic journal published by «Russkaja Mysl» (Paris)

6 issues per year.

Chief Editor Aleksandr NEKRICH.

Copyright «Russkaja Mysl» 1982

Материал, публикуемый в «Обозрении», не может быть воспроизведен полностью или частично без разрешения Редактора.

Toute réproduction intégrale ou partielle sans le consentement de la rédaction est interdite.

All rights reserved. No part of the publication may be reproduced in any form without the prior permission of the editor.

Перевод иноязычных материалов Елены Гессен.

Оформление Александра Окуня.

Номер готовили:

Наборщики: И.Заборова, Д.Майзель, Н.Рыбакова.

Корректоры: М.Мамлеева, К.Сапгир.

Метранпаж З.Андрianова.

Supplément au journal La Pensée Russe № 3454

Directeur responsable R. Galloir.

Commission paritaire № 58334.